

Распространяется бесплатно

ФИНИКОВЫЙ КОМПОТ

16+

{№6}, март 2014: Мусор

В НОМЕРЕ:

Редакторская Евгений Логинов	стр. 2
Пролегомены к понятию «мусор»	стр. 3
Мусор философского дискурса Евгений Логинов, Андрей Мерцалов	стр. 5
Бревно в твоём глазу Иван Кузин	стр. 9
Иголка в стоге сена Павел Ивашкин	стр. 10
Богословие и экология Артемий Сафьян	стр. 11
Мусорный оркестр Алексей Воронин	стр. 13
Великий и могучий Наташа Плахотнюк	стр. 14
Теории мусора: обзор литературы Юлия Ермолаева	стр. 15
«Священный мусор», или как хранить тексты Давид Апфельбаум	стр. 17
Рецензии Наталья Сафронова, Алексей Козырев, Александр Басов	стр. 18
Интервью с А. Секацким: Заклиная Призраков	стр. 21
Идентичности: Что значит быть футбольным фанатом? Павел Климовицкий	стр. 23
Философские сообщества: Венский кружок Дмитрий Миронов	стр. 25
Свободные люди: Кибуцы Давид Апфельбаум	стр. 29

Редакторская

Ушедший год был для редакции ФК довольно грустным. Но плохие события не имеют имени, как не имеют их канавы весенних дорог. Радость — это в том числе и упражнение в том, чтобы присутствовать не отсутствуя, поэтому нельзя забывать и то множество отличных моментов, которые нам довелось пережить. Главное — это, конечно, свадьба Саши и Марии Басовых, наших верных друзей и постоянных авторов. С чем мы не устанем их поздравлять. Наконец-то кто-то из нас смог доказать, что все эти речения о том, что настоящие любовники должны друг друга уничтожить во имя чистой эротики, или о кледаническом одиночестве философа — чушь собачья и акулья труха.

Кроме того, мы приняли участие в проекте Лаборатории Театральной Антропологии нашего нового друга Тамары Синицыной, что для нас и странно, и радостно. Число подписчиков нашего паблика во «ВКонтакте» перевалило за две тысячи, что, конечно, не очень много, но довольно приятно. Мы обзавелись твиттером, который, правда, не пользуется популярностью, несмотря на трансляции с разных философских мероприятий. Мы провели серию семинаров, посвященных феноменологии, и другую серию, посвященную методологии истории философии. Благодаря последнему предмету, мы установили тесные, как нам кажется, и плодотворные, мы надеемся, отношения с группой петербургских философов, провели вместе несколько общих занятий. Кроме того, на арене конференции, посвященной юбилею «Философских исследований», мы познакомились с коллегами из Томска и Высшей Школы Экономики (которая от МГУ, увы, кажется расположенной не ближе, чем предыдущий топоним, ведь нет никаких горизонтальных связей на уровне низов академической иерархии). Мы официально зарегистрировали «ФК» как СМИ, чем очень горды, хотя это и приносит пока лишь проблемы. И это все — не считая множества приятных вечеров, которые мы провели друг с другом в наших любимых барах, и приключений, которые нам довелось пережить (вроде походов в мокрый осенний лес или автостопов).

Хотелось бы, наверное, сделать больше, но дух наш слаб и плоть ленива. В новом году мы обяза-

тельно продолжим проводить и обычные философские кафе, и узко тематические, и художественные акции, и наши театральные занятия.

Однако не только частные и профессиональные беды и бури омрачают нашу жизнь. Положение журнала вроде нашего всегда есть положение кризисное. Кризисность можно поймать уже в том, что эта самая кризисность может быть неверно истолкована. Наша кризисность — не пустыня реальности (чтобы это вообще могло значить?), не проблемы с материальной базой (хотя и такие есть), не исчезающее малая аудитория (прочел номер — передай другу, читатель!). Наша проблема — захламленность. Время, выброшенное на помойку. Силы, потраченные впустую. Возможности, которые мы, пусть и не без некоторого удовольствия, упустили. В мире, где почти все (кроме, например, Саши и Марии), превратилось в реплику самого себя, мы уже не можем четко определить отличие хлама от вещи, хотя бы предположительно нужной. Реплика — это ведь не просто симуляция чего-то, но такая симуляция, которая устраивает нас в своем симулятивном качестве. Представьте, что государство отказалось от армии в пользу бутафорных солдатиков — и это стало нормой жизни. На эту историческую коллизию накладывается еще и проблема нашей личной академической траектории: на горизонте уже отчетливо видна необходимость писать диплом для нас и диссертацию для нашего корректора Андрея. Следствием этого является пресыщенность и пустота, лень и опоздание. Мусор в наших головах и наших городах — вот настоящая причина усталости, которая свила гнездо в наших телах.

В ответ на это мы можем лишь работать усерднее и смотреть внимательнее. Можем искать и находить настоящие, острые, живые вещи, которые дадут нам возможность дышать чистым воздухом подлинных возможностей. С этого номера мы введем две новые рубрики. Первая будет посвящена театральной критике, уж коль скоро нас занесло в эту область изящного. Вторая — «Свободные люди» — будет освещать исторические прецеденты попыток выхода за пределы мира реплик, разные анархические, социалистические и романические утопии.

Пролегомены к понятию «мусор»

Платоническая теория

Мусор есть то, что не имеет имени, что не причастно к идее. Нечто, что забивает поры мироздания. Нечто, лишённое любого позитивного определения. Оно находится на столь малых бытийных скоростях, что не может быть пущено в дело. Мусор есть то, что разрушает наивные теории «друзей идей» (например, мегариков) о стоящей за каждой вещью идее. Это значит, что мусор может только страдать, но не быть источником действия. Что ж, во времена Платона из свалок воняла только рыба.

Теория субъективной полезности

Мусор есть предмет, потребительная стоимость которого равна нулю. Иными словами, мусором для некоторого субъекта оказывается то, что, по его убеждению, ни прямо, ни косвенно не способно удовлетворить или сыграть роль в удовлетворении какой-либо из его потребностей. «Мусор», таким образом, оказывается статусом предмета лишь в отношении к определенному субъекту, но отнюдь не некоторым онтологическим, бытийственным статусом предмета как такового. Соответственно, понятным становится и релятивизм мусора, а именно — тот факт, что те вещи, которые являются мусором для одного, могут оказаться крайне полезными для другого, и наоборот (размышления на этот счет вы найдёте в статье Алексея Воронина «Мусорный оркестр»).

Однако это стандартное и расхожее понимание мусора во многих случаях оказывается провальным. Субъективная полезность грязи на башмаках равна нулю — но кто же станет называть её мусором? Понятие «объективной полезности» тут не помогает. Ограничить мусор сферой утративших полезность материальных продуктов труда, чтобы отделить его от природной «грязи», не удаётся. Не только потому, что человек признает во многих бывших товарах мусор, пусть даже сам он их никогда не потреблял (и которые для него, соответственно, не теряли полезности, ибо никогда ею и не обладали;

в этой связи, кстати, сказать, что она полезность была потреблена другим субъектом, не получается, ибо это — прямой путь к недопустимой для данной теории дерелятивизации мусора), но и потому, что многие нерукотворные вещи могут обладать субъективной полезностью и, теряя её, становиться мусором (как, например, березовый листочек, служивший закладкой в книге). «Материальный продукт труда, полезность которого, по мнению субъекта, равна нулю, и/или предмет, утративший для субъекта полезность», — также не самое удачное определение мусора. Так, например, неоднозначным оказывается отношение мусора и побочных продуктов труда с нулевой полезностью (отходов), мусора и смёта, и т.д. Всех этих трудностей пытаются избежать институциональная и функционалистская теории.

Институциональная теория

Мусор есть то, что попадает в сети мира мусора. Последний включает в себя тех, кто производит мусор, тех, кто мусор утилизирует, и тех, кто на это смотрит. В ранней версии институциональной теории мусор должен был быть артефактом. Позднее этот пункт был переосмыслен. С благодарностью Дике и Данто.

Функционалистская теория

Мусор есть предмет, переставший исполнять свои функции. Функции эти определяются человеком, однако само функционирование предмета в соответствии с ними оказывается объективным фактом. «Мусор», таким образом, оказывается статусом предмета не в отношении к субъекту, но в отношении к определенным функциям, что снимает крайний релятивизм теории субъективной полезности. Так, например, сломанный граммофон — мусор, если его функцией мы определяем воспроизведение музыки; однако он ещё может служить изысканным предметом интерьера. Предметы могут превращаться в мусор не только из-за поломки или износа, но и вследствие замены их другими предметами, более новыми и эффективными, или изменения обстоя-

тельств их использования: рубашка, из которой вырос ребенок, — мусор, однако она может ещё пригодиться другому. Предметы же, которые не были наделены функциональными «обязанностями», не служившие человеку в его деятельности (как отходы или смёт), не становятся мусором.

Экзистенциалистская теория

Мусор — это другие. Это так, и не слушайте никого другого.

«Грякаловская» теория

Все поет о любви, поэзии и экономике патлача. Это чистое горение, вспышки бытия. Настоящие любовники хотят залюбить друг друга до смерти. Настоящие поэты изобретают язык. Настоящие производители сжигают свой товар. А то, что остается после тайфуна силы и мощи, то есть мусор. Это наши обыденные браки, речи и капитализм. Человеколюбиво. Теория пришла нам в голову после знакомства с идеями петербургского философа Николая Грякалова. То, что мы об этом думаем, можно прочесть в редакторской статье.

«Золотая» теория

Мусор есть высшая ценность, ибо все остальное обретает ценность лишь через своё отношение к мусору. Так что отнюдь не молчание, но мусор — золото (см. об этом в статье Юлии Ермолаевой). Мудрость сия была очевидна ещё два столетия назад москвичам, называвшим говновозов не иначе как золотарями. Сакральная связь богатства и мусора прослеживается сегодня в названиях многих элитных улиц столицы. Так, например, переулок Сивцев Вражек получил своё название по овражку, по дну которого текла речка Сивка, активно использовавшаяся для спуска нечистот и прозванная так за свой помойный цвет. Аналогично, по помётному оврагу, были названы и Вражские переулки. И если вы ещё не осознаёте, что вся наша цивилизация со всеми её благами растёт из почвы, обильно сдобренной помоями и прочим дерьмом, спросите об этом гарболога, археолога мусорных куч.

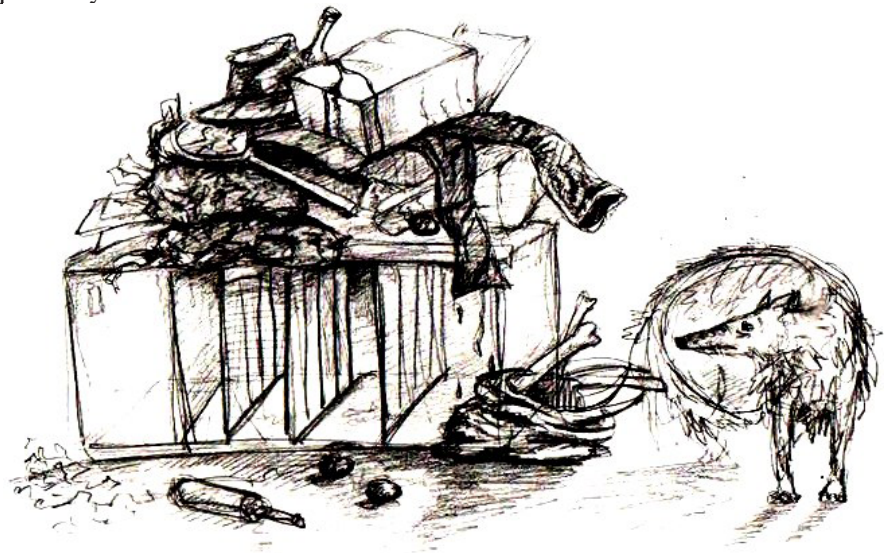
Теория подлинности

Мусор есть негативность, отрицание. Зазор в тотальности бытия. То есть, чем больше у вас мусора, тем больше у вас возможности менять мир, больше пространства для маневра, больше возможности переставлять вещи с места на место, выдумывать им новые места. Эта мысль забавно преломляется через биологический и экологический материал в статьях Ивана Кузина и Павла Ивашкина. Одновременно мусор есть то, что сохраняет свою неподдельность в мире реплик и симулякров. Почему так? Потому что никто не подделывает мусор. Мусор — это знак будущего, в то время как все остальное повреждено гламуром и своим грузом тянет цивилизацию вниз. Поэтому ржавая велосипедная медаль более эстетична, чем Григорий Лепс. Эта идея принадлежит другому петербургскому философу, Александру Секацкому (интервью с ним можно найти в этом номере). Как вы поняли, в северной столице много думают о мусоре.

Постмодернистская теория

Не ты производишь мусор, но мусор производит тебя. Мусор есть конституент, определённым образом детерминирующий порядок практики обращения с ним, которому ты вынужден подчиняться. Мусор действует в режиме властной инстанции. Он задает место субъектности по отношению к себе. И все попытки субъекта противостоять мусору — табличками «не сорить» и всякими этическими нормами — исходят из этих уже пред-заданных мусором мест, являясь в некотором смысле лишь языковыми играми в ветвях деривации мусорной дискурсивной формации. Мусор маргинален, он ничего не продуцирует, но лишь превращает все, что входит в его пространство, в мусор же. Он есть машина самоаккумуляции, а потому и субъект, неизбежно попадающий в её жернова, становится мусором. Ты — мусор. Подробнее об этом — см. статью «Мусор философского дискурса».

Евгений Логинов
Андрей Мерцалов

Мусор философского дискурса

С о времен Джона Локка принято считать, что между философами и мусорщиками есть много общего. Посвятившие себя абстрактному размышлению о вещах, касающихся каждого настолько близко, что их нельзя разглядеть ни в один микроскоп, классифицируют способы человеческого заблуждения, просеивают тонны мусора в грязной реке людского сомнения ради крупниц истины, распыляемых затем по сводам философских систем в качестве основных интуиций и основополагающих тезисов. Философы убирали отходы общежития веками, свозили их в особое царство и там с удовольствием изучали. Но вот пришло время, и некоторые из них заметили, что метод, предмет и объект философии настолько сроднились между собой, что само царство мысли стало неотличимо от помойки. И тогда горячие головы провозгласили концы философии разного толка, толки о которых не умолкают до сих пор.

Мы, выросшие на этой земле и из того, из чего нам пришлось вырасти, облепленные содержанием современной философии с ног до головы, хотим отказаться хотя бы от формы её — этого бесцельного коллекционирования и составления поделок из самых необычных вещей, найденных среди необозримых груд мысли. Механическое перебирание хлама должно заменить анализом, дивление на любопытные штуковины — аргументацией и доказательством их пользы или ненужности. Ходят слухи, что методы эти даже кем-то успешно применяются где-то там, за седьмой кучей.

Чтобы прояснить, от чего именно мы хотим отказаться, мы составили список принципов, характеризующих бытующий тип философствования, активно используя сами эти принципы — отчасти для иллюстрации, отчасти потому, что описывать данный предмет, не пользуясь его языком, попросту не представляется возможным, отчасти же потому, что мы, протестующие, сами ещё не свободны от этих принципов насколько, как нам бы хотелось. По сути, предложенное ниже является феноменологией философской среды, в которой нам довелось расти и учиться. Мы глубоко бла-

годарны учителям, но, как замечал Ницше (вот, кстати, следование одному из нижеизложенных принципов), плох тот ученик, который не предал забвению заветы наставника. Но нельзя исключать и возможности того, что мы просто плохо учились и ничего не поняли.

1. Принцип перемигивания

История философии рисуется как галерея статуй великих философов. В пантеон попадают снижавшие славу в современной академии умы, круг которых довольно ограничен: Делез, Деррида, Хайдеггер, Ницше, Витгенштейн, Кант, Фуко, Платон, Жижек. Застывшие в вечности, статуи посылают друг другу странные тавтологические сигналы, в которых лишь невежды находят какие-то глубины смыслов. Люди же грамотные, зарабатывающие философией, обычно призывают отринуть этот смысл ради самой философии, то есть перемигивания. На практике оно выглядит как свободное творческое скольжение по поверхности отсылок, которые, в итоге, ни к чему не отсылают. Обычно они подаются наряженными в обороты «а эту проблему, знаете ли, очень остро чувствовал Хайдеггер, да...»; «об этом уже очень трудно говорить после того, что сделал Витгенштейн...»; «а потом пришел Фуко...»; «а вот это, кстати, — посмотрите-ка его работу — отлично понимал старик Кант / Гуссерль / Мерло-Понти / другое (нужное подчеркнуть)...» Причем не важно, что именно чувствовалось одному и какое значение имеют его переживания, что конкретно сделал другой и сделал ли он вообще что-либо стоящее, в чем, собственно, состоит понимание некоего старика и каковы были его аргументы — главное красиво сделать отсылку и, многозначительно шурясь, покачать головой.

2. Комментирование без комментария

При полном забвении жанра комментария в современной философии (исключительным приме-

ром обратного является анализ «Идей» Гуссерля Н.В. Мотрошиловой), комментирование продолжает быть востребованным. В моде — избыливающий аналогиями вольный пересказ новинок франко- и англоязычной мысли. Подобная мода, сама по себе необходимая, универсализируясь на отечественной почве, приводит к тому, что наши философы попросту не читают и не знают друг друга. «В Питере там кто-то, кажется, издал монографию по вашей теме — не помню фамилии... Но вот в Лилле пару лет назад, знаете ли, вышла так и не переведенная у нас, к сожалению, статья Пьера Машрэ — а он, как вы помните, учился у Луи Альтюссера и Жоржа Кангилема — статья, конечно, про Спинозу, но там есть одно интересное место... Машрэ, знаете ли, очень тонко чувствует...» А изданные в России работы пылятся в книжных магазинах — и это несмотря на действительный спрос на философию среди думающих людей и длительную академическую традицию обучения всего студенчества основам философского знания.

3. Риторика вместо проблемного анализа

Вместо того чтобы изменить или хотя бы понять мир, предлагается о нем поговорить или, что еще лучше, повоображать. Такое размышление питается случайной мыслью, а не постановкой и решением проблем, найденных в истории философии или в обыденной и научной практике. Целью становится изобретение какой-нибудь новой метафоры или принципов (см. метафоры и принципы данной статьи), нового взгляда на старые материи. Над принципом этим гордо реют знамена «беспредметной философии», а сам он проявляется обычно через припоминание того, кто как думал о чем-то там в прошлом, и сводится к простой констатации наличия различных подходов, не утруждая анализом их эффективности. Учитывая специфику предмета, использование этого принципа делает любой спор приятным и легким занятием: ты вспоминаешь один подход, я — другой, мы перемигиваемся, и все мило и прилично. Различие мыслителей, исповедующих этот принцип, и философов, которые поминаются благодаря ему все, синонимично юмовскому различию легких и тяжелых философов, знаете ли, да...

4. Имитация бурной деятельности

В лексиконе современных философов вы часто встретите слова, намекающие на масштабную титаническую работу мысли, совершаемую с диким скрежетом умственной машинерии. Наши философы кладут мысль на верстак, запускают когнитивные механизмы, совершают деяния, оперируют жестами, меняют установки, работают в режимах тонких различений, проводят мысленные операции, делают ходы, осуществляют демарши... Порой

такие заводы производят концепты, продуцируют смыслы и оптики. На поточное производство уже поставлены вопросы — этикие кованые замки больших или меньших размеров, использующиеся исключительно для того, чтобы бить ими по голове конкурентов. Правда, в отсутствие спроса, производство ключей к ним признано нецелесообразным. Говорят, некоторые западные предприятия производят повороты — уже в массовом порядке. Тут отстаём.

Есть и другой способ осторожно показать, что вы что-то делаете, чтобы никто при этом не догадался, что именно, — через метафору тайного ордена. Философия при этом мыслится как некая мистическая практика, связанная с разными заговорами, тайнами, посвящением, отношением учитель-ученик и прочим чарующим фентези. Порой напускная таинственность рождает уважение, и даже признание.

5. Метафизика как жизненная позиция

Студент-философ, если он желает проникнуть в тайны пантеона и новой философской софистики, должен совершить трансцендентальный синтез философа и его философии (что бы это ни значило). Предлагается «некоторым образом» взрастить в себе философскую позицию, мировоззрение, особый взгляд на мир. При этом считается, что чем сильнее это самонаведённое мировидение корёжит адекватное восприятие реальности, тем более оно философское. По-хорошему, настоящий философ должен всё делать иначе: иначе смотреть на мир, думать иначе, говорить на ином языке. Вопрос «Зачем?» при этом, естественно, считается неуместным. Более того, непрактичность данного принципа даже возводится в достоинство. Поскольку хоть как-то функционировать обладателю философского мировоззрения оказывается жизненно небезопасно, идеалом становится мыслитель, который всецело погружен лишь в то, что иначе мыслит чистую мысль, мысля при этом то, как он по-другому мыслит и т.д. Такой философ обычно страдает одиночеством, затекшими конечностями и синдромом непризнанной гениальности. Лёжа на старом диване, неприкаянный и непонятый, в вечной недооцененности философской глубины своих дум, пронизанный стрелами собственной ненужности, без учеников, один на один со страшным пантеоном, он почитывает Делеза и думает о нём и о том, как он иначе о нём думает. И не курит.

6. Трансцендентность философии

Проведению в жизнь пятого принципа часто сопутствует метафилософская болезнь и синдром вечного поиска (подлинной) философии. Принцип беспредметности помогает мыслителю перевести взор от философских проблем на проблемы самой философии и обратиться к Главному Вопросу: «что

она такое есть?». Поскольку истинная философия должна учить видеть, думать и чистить зубы «по-другому», сама философия также должна быть чем-то «другим», «не этим». Путь к ней начинается через апофатическое отмежевание её сперва от «практического» и «материального», затем от науки, религии, искусства, вообще от всякой известной формы «духовной» деятельности. В итоге философия оказывается трансцендентной всему, вечно ускользающей и принципиально непознаваемой, что и возводится в принцип. Коль скоро достичь её не остаётся никакой возможности, но оправдать беспредметность и непрактичность чистой мысли хоть чем-то представляется необходимым, целью провозглашается сам Путь куда-то в сторону философии — вглубь и налево, к Абсолюту и Истине.

Принцип «инаковости», вместе с тем, делает возможным и иную реакцию на осознание трансцендентности философии. Коль скоро философия — это нечто «другое», то и заниматься предлагается другим — кино, например, феминизмом или мусором. Ход оказывается блестящим: от предложения взглянуть на эти феномены «по-другому» и философски, так сказать, их переосмыслить, оказывается невозможным отказаться. С этой целью создается и «иной» словарь, который на сегодняшний день уже обрел вполне устойчивые формы.

7. Новый словарь

К сожалению, приложить краткий словарь современной философии нам не позволил формат статьи, но мы успокаиваем себя тем, что он и так знаком каждому, кто так или иначе (в особенности — иначе) причастен духу современной философии, ибо пользование им составляет седьмой принцип. Метод его построения прост, как все гениальное: из самых различных областей науки и литературы, из инструкций по эксплуатации электроприборов и бытового жаргона выуживаются сочные слова, — обычно хорошие, работающие термины, не вызывающие кривотолков, — облачаются в шёлк метафоры, после чего эта их новая одёжка, по которой непривычные термины удаётся хотя бы пару раз встретить в каком-нибудь тексте, принимается за их родную рубашку. Пользоваться таким словарём оказывается одно удовольствие: с одной стороны, ты употребляешь красивые, «умные» и даже смутно знакомые слушателям слова, так что назвать тебя дураком уже никто не посмеет; с другой — туманная метафоричность употребления, предъявляемая за основной смысл этих слов, позволяет пресечь на корню саму возможность того, чтобы твою речь хоть кто-то понял. А если кто-то и осмелится это сделать, всегда можно заявить о неверной интерпретации твоих слов или отделаться от любого вопроса, поставив содержащейся в нём мысли слово-заглушку из этого же словаря. С учетом беспредметного характера современной философии, возможность говорить долго и умно, не высказывая ровным счетом ничего, бесценна сама по себе. Речь получается солидная, а тезисы — без-

укоризненными и неоспоримыми, ибо логически опровергнуть тривиальности и пустопорожность ещё не удавалось никому.

Оные термины, выражения и обороты условно могут быть классифицированы с помощью квазикантовской логики на четыре группы.

Назовем первую группу «субъектной». К ней можно отнести слова, касающиеся субъекта и его «очков», через которые он смотрит на мир. С помощью этих слов оппонента можно лишить претензий на значимость и обоснованность высказываний, внушив ему чувство непроясненности оснований суждений путем демонстрации их тотальной условности; достаточно лишь употребить: «твое личное мнение», «в рамках твоего мировоззрения», «культурная преддетерминация», «заданные места субъективности», «все классификации условны», «зависит от принятой установки», «исповедуемая тобой парадигма», «проблема оснований», «языковая обусловленность», «твоя оптика», и т.п.

Вторая группа может быть названа «объектной», и к ней отнесем слова, отсылающие к неким «объективным реалиям», «самим вещам» и миру так, что их недостижимость, неуловимость, условность и кафкость становятся очевидными, что позволяет свести речь оппонента на знакомый уровень беспредметности, лишив его возможности вообще говорить о чем-либо «реально существующем»; это: «тотальность», «разрывы», «ризом», «маргинальность», «абсурд», «ряды (желательно без указания, чего)», «откуда вы знаете, как "на самом деле"», «в реальности всё не так, как в действительности», «(такова) жизнь», «машина», «механизмы», «властные отношения», «сложные социальные порядки», «порядок (чего угодно, но лучше не уточнять)», «дискурс», «формация», «дискурсивные формации», «пространство (чего угодно)», «изменчивые реалии», «в условиях постмодернизма», «режим», «эмерджентность», «инстанция» и проч.

Третья группа может быть названа «акторной». К ней мы относим глаголы, обозначающие некоторые интуитивно понятные действия, осуществление которых принципиально невозможно тем «актором» (которым может оказаться что угодно), с теми предметами и в тех условиях, о которых говорится. В результате создается удивительный эффект: слушателю кажется, что описывается некоторый процесс, что что-то происходит, но что именно, как и где — он понять не может. К таким выражениям относятся приведенные выше производственные, «заводские» метафоры, а также такие фразы, как «делать ставку», «давать карт-бланш», «девальвировать (смыслы)», «приходить (в смысле "пришёл Фуко")», «умирать (про Бога, автора, мир...)», и т.д.

Наконец, четвертую группу назовем «коммуникативной». К ней мы отнесем слова и выражения, которые, помогают пресекать попытки осмысления произносимой (или уже произнесенной) речи, оправдывая и утверждая невозможность адекватного понимания говоримого и, следовательно, построения дальнейшей коммуникации. Это: «языковые игры», «семейные сходства», «разбегающиеся

смыслы», «в некотором смысле», «каким-то определённым образом», «релевантность языка», «способ говорения», «используемый словарь», «проблемы интерпретации», «гавагай» и другие.

Отдельного упоминания достойна уловка «это не я». Её очень удобно использовать, когда ваши тезисы, несмотря на их закамуфлированность вышеприведенными словами и фразами, все равно остаются слегка понятными и потому спорными. В данном случае рекомендуется самым спорным и неадекватным пунктом выступления вставить положение, вырванное из текста какого-нибудь Великого, или пусть даже его вольный перифраз — вестимо, без указания авторства и того, что это вообще цитата. Когда же ошарашенный слушатель, зацепившись за оный тезис, в недоумении спросит: «Позвольте, но с чего вы вдруг взяли, что...?», ответ «Это не я, это — Великий...», — поставит его на место и пресечет дальнейшие попытки вас атаковать — бог знает, откуда ещё вы понадергали другие свои тезисы...

Немаловажным приятным бонусом приведенного списка слов и выражений является то, что группировать их можно в любом удобном порядке, что позволяет говорить часами, почти не повторяясь. Мы предлагаем нашим читателям потренироваться на досуге в составлении из представленных слов текстов на тему видеоигр. Плоды комбинаторики присылайте нам на loginovlosmar@gmail.com — самые смелые и неожиданные продукты будут опубликованы в следующем номере или в нашем блоге (datepalmcompote.blogspot.ru). В данном же номере

примером подобного текстообразного словосочетания является «Постмодернистская теория мусора» в «Пролегоменах».

А если некоторые из приведенных выше принципов оказались вам близки; если местами вы узнавали себя или кого-то из своих знакомых; если под конец данной статьи вас начало подташнивать от перемигивания, ужимок, словоблудия и ёрничанья; и если вы ждете, когда же мы, наконец, объявим, что весь этот мусор философского дискурса пора отправить в утилизатор, а его производителей — на метан, то мы ответим, что, знаете ли, сложные социальные порядки определенным образом всё-таки детерминируют способы говорения в рамках принимаемой нами установки, выступая эмерджентной властной инстанцией, что, безусловно, девальвирует смысл предпринимаемого нами демарша, и без того работающий в изменчивых реалиях постмодернизма в режиме разбегания, что само по себе в некотором смысле даёт карт-бланш на возможность интерпретации выработанной нами классификации, с учётом её тотальной условности и в какой-то степени даже маргинализированности, к чему мы попросту не в силах применить механизм избегания. В конце концов, кто станет спорить, что на самом деле в реальности все не так, как в действительности, что совы — не то, чем они кажутся, а высказывается, в итоге, лишь абсурд? И ведь такова сама жизнь!

Евгений Логинов
Андрей Мерцалов

Бревно в твоём глазу

В 1970-е гг. был сформулирован парадокс: размер генома организма (количество ДНК в одинарном хромосомном наборе) не коррелирует со сложностью организма. Например, у некоторых амёб размер генома в 200 раз больше, чем у человека. Это означает, что большая часть генома у многих организмов представляет собой нефункциональный «мусор». Не оказался исключением и сам человек: по данным проекта «Геном человека» (2000), доля генетического мусора составляет 97%. Почему этот факт удивителен для биологов? К 1950-м гг. сложилась синтетическая теория эволюции, удовлетворительной альтернативы которой нет до сих пор. Один из главных ее постулатов состоит в том, что каждый признак организма обладает адаптивным значением, функционален. Функционализм и панадаптация в биологии имеет почтенную родословную, связанную с островной интеллектуальной традицией и ведущую через Чарльза Дарвина к представителям британской естественной теологии, вплоть до создателей науки Нового времени (Роберт Бойль, Джон Рэй).

Что представляет собой генетический мусор? Это могут быть обломки «прыгающих генов» — эгоистичных мобильных элементов, которые размножались в геноме наших предков, или это могут быть результаты ошибок при копировании ДНК или при клеточном делении. Важно, что любой кусок нефункциональной ДНК может оказаться востребованным в ходе дальнейшей эволюции, привлеченным для выполнения новой функции. Естественный отбор — не инженер, а ремесленник, он использует для своих целей все, что подворачивается под руку. Действительно, в 2012 году были опубликованы результаты проекта ENCODE по интенсивному изучению 1% генома человека. Оказалось, что количество «генетического мусора» ранее преувеличивалось, хотя большинство исследователей считает, что он все равно составляет большую часть генома. Функциональный репертуар генома оказался расширен в первую очередь за счет некодирующих (не участвующих напрямую в переносе информации от ДНК к белкам) РНК, выполняющих различные регуляторные функции.

Геном человека в настоящее время выглядит как настоящие джунгли, простое его описание невозможно. Однако такая ситуация типична для биологии. Ни один из биологических законов или правил, упоминаемых в учебниках, не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к законам в физике, хотя бы таким, как универсальность и нетавтологичность. Исключение составляет, может быть, сам

принцип естественного отбора: преимущественное выживание и размножение наиболее приспособленных. Однако он же и приводит к нарушению любых сложившихся локальных биологических «закономерностей» и появлению новых, как только это оказывается выгодно организму (гену, популяции, виду). Например, появление хромосомного определения пола и, соответственно, половых хромосом приводит к нарушению законов Менделя и возникновению наследования, сцепленного с полом.

Биология помогает понять связь мусора со случайностью и демонстрирует его творческий потенциал. Обнаружение и изучение «генетического мусора» связано с разработкой одной из трех главных альтернатив дарвинизму в широком смысле. Первые две — ламаркизм (наследование приобретенных признаков) и ортогенез (запрограммированная эволюция) — были оттеснены на обочину науки синтетической теорией эволюции. Третья альтернатива связана со все возрастающим осознанием творческой роли случайности в эволюции. Первоначально это была идея случайных мутаций, затем возникла концепция дрейфа генов (случайных изменений частот вариантов генов в популяции, не связанных с действием естественного отбора), играющего важную роль в видообразовании. Согласно этой концепции, эволюция нефункциональной части генома происходит под действием дрейфа генов, но при этом накопление генетического мусора оказывается частью другого, глобального процесса — возрастания сложности. Нейтральную гипотезу возрастания сложности в ходе эволюции можно пояснить на примере пьяного, вытолканного из бара. Пьяный может случайным образом делать шаг как в сторону бара, так и в сторону от бара, однако обратно в сам бар его не пустят. В результате через некоторое время пьяный с наибольшей вероятностью будет обнаружен вблизи бара, но с небольшой вероятностью — далеко от него. Аналогичное статистическое распределение возникает, если предположить, что в результате видообразования сложность организмов может с равной вероятностью уменьшаться или увеличиваться, но сложность не может стать меньше, чем у самых первых живых организмов. Такое распределение видов по сложности соответствует наблюдаемому: количественно на Земле преобладают одноклеточные организмы и вирусы. А необходимым условием такого механизма возрастания сложности в ходе эволюции оказывается материал, поставляемый генетическим мусором.

Философия мусора

Мусор — это отходы, побочный продукт действия людей. Чем больше действий, тем больше мусора. Человек — это удобная корзина для мусора. В каждом из нас есть то, что попадает в нас, не спрашивая у нас на то согласия. Даже то, что в философии называют бытием, узнается по побочным продуктам действия, по мусору, по ошибкам. Быть без мусора — значит быть диким.

Федор Гиренок

Иголка в стоге сена

Перед биологами и медиками часто встает задача найти среди огромного количества ДНК организма один-единственный ген. Например — вы исследователь, и вам необходимо создать генно-модифицированную бактерию, производящую инсулин для лечения диабета. Или вы — медик, и вам нужно найти ген, характерный для крайне опасного вируса в крови пациента. Проблема заключается в том, что геном человека содержит более 3 млрд. пар оснований (около 750 мегабайт данных), а необходимый ген обычно имеет размер 200–500 пар оснований (50–125 байт). Как же среди этого обилия ненужного для работы мусора найти столь ценный фрагмент?

Сначала — небольшой экскурс в молекулярно-биологическую терминологию:

Комплиментарность — свойство кусочков ДНК (А, Г, Т и Ц — азотистые основания, кодирующие всю информацию в наших генах) подходить друг к другу попарно: А-Т, Г-Ц.

Полимераза — фермент, способный достраивать на одной цепочке ДНК вторую цепочку из плавающих вокруг кусочков (оснований) по принципу комплиментарности.

Праймер — небольшой отрезок ДНК в 20–30 кусочков, комплиментарный началу или концу синтезируемого фрагмента, нужен в качестве «затравки» для полимеразы.

Технология полимеразной цепной реакции (ПЦР) позволяет не только найти «иголку в стоге сена», но и превратить эту «иголку» в целый «стог из иголок». Заключается она в том, что с помощью двух небольших молекул (полимеразы, способной достраивать на основе этих молекул весь ген) — праймера и фермента — можно синтезировать огромное количество копий интересующего нас гена.

Кратко схему синтеза можно описать так: мы помещаем в пробирку выделенную из крови (слюны, волос, отпечатков пальцев) ДНК, в которой содержится огромное количество генов как обладателя материала, так и случайно залетевших в пробирку образцов: местных бактерий, тараканов, заползших в лабораторию, сушеного чая из соседней кружки и т.д. Затем мы добавляем те самые праймеры,

с помощью которых полимеразы смогут синтезировать только нужный нам ген, буферный раствор, необходимый для соблюдения всех тонкостей параметров среды, ионы магния, нужные для работы полимеразы, и, собственно, саму полимеразу, выделенную из бактерий, обитающих в гейзерах, и, таким образом, обладающую (в отличие от человеческой) устойчивостью к высоким температурам.

Далее смесь ДНК разогревается до 96 градусов, благодаря чему двойные цепи ДНК расходятся и «открываются» для реакции, после чего короткие праймеры прикрепляются к характерным участкам в начале и конце нашего гена, а полимеразы достраивают их до полноразмерной копии с двух сторон. Таким образом, вместо одной копии гена мы получаем две. Далее с каждым циклом этой операции количество нужных нам фрагментов возрастает в геометрической прогрессии, и уже после двух часов реакции можно поставить еще один эксперимент — засунуть полученную ДНК в агарозный гель (тот самый, из которого делали советский мармелад), и с помощью электрического поля разделить ее по размеру (ДНК обладает зарядом, и, следовательно, движется в электрическом поле, но за счет того, что в геле присутствуют поры определенного размера, маленькие отрезки ДНК проталкиваются через него быстрее, чем большие). С помощью маркеров — смесей ДНК известной длины — можно примерно сказать, какой длины фрагмент мы получили в результате ПЦР, а длина фрагмента является ключевой характеристикой гена, уникальной для большинства ситуаций. Для обнаружения же полосок ДНК в геле используется страшно канцерогенный, но уникальной эффективности краситель — бромистый этидий, связывающийся с ДНК и светящийся в ультрафиолете.

Благодаря всем этим операциям спустя всего два-три часа после сдачи анализа можно с точностью сказать, есть ли в крови несчастного пациента страшный вирус, или же следует искать причину плохого самочувствия в мусоре не генетическом, но психологическом.

Павел Ивашкин

Богословие и экология

Библейское повествование крайне скупо на описания красоты мироздания. В первой и второй главах Книги Бытия, где описывается процесс творения, не обнаруживается подробных рассказов о планетах, животных, растениях и т.п. Подробность появляется лишь тогда, когда речь заходит о человеке. Последний оказывается выделенным среди всего остального мира. И уже в этом кроется новаторство Библии (в данном случае — Пятикнижия Моисеева) в сравнении с другими космологиями.

Исходя из этого, Священное Писание мы можем представить как повествование, разворачивающееся как процесс взаимоотношения Бога и человека. Мир сужается до границ Народа Израилева в Ветхом Завете и Церкви Христовой — в Новом. Человек оказывается, по Божественной заповеди, властелином природы («И сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1:28)). Означает ли это, что мир природы оказывается заложником человеческого произвола? Можем ли мы, следовательно, говорить об антиэкологичности Библии и христианства?

Чтобы ответить на эти вопросы надо уяснить несколько базовых посылок христианской теологии.

Во-первых, говоря о процессе творения, Отцы Церкви, опираясь на Писание, подчеркивают тот факт, что создание мира — результат Божественной Свободы, а не Необходимости. Следует отметить, что в таком понимании есть отсылка к важнейшему методологическому разделению богословия на два уровня — теологический (рассуждение о Боге в Себе Самом) и икономический (рассуждение о Боге в Его отношении к миру). Эти два пути богословствования принципиально несводимы друг другу. Необходимая Божественная Сущность и отношения Ипостасей внутри Троицы трансцендентны миру и никак не зависят от него. Например, Иоанн Дамаскин, рассуждая в этом ключе, противопоставляет предвечное рождение Сына (второе Лицо Троицы) творению мира: «...рождение

в Нем изначально и вечно, так как оно есть действие Его естества и происходит из Его существа, иначе Рождающий потерпел бы изменение, и был бы Бог первый и Бог последующий (точка зрения близкая Арию — А. С.), и произошло бы приумножение. Творение же у Бога как действие хотения — не совечно Богу (обратное полагал Ориген — А.С.). Ибо производимое из небытия в бытие не может быть совечно Безначальному и всегда Сущему». Итак, в отличие от аристотелевской, платонической и неоплатонической теологий (где мир творится по необходимости), христианство постулирует свободный выбор Бога, называющего несуществующее как существующее (Рим. 4:17), при создании Вселенной. Эта посылка является фундаментальной для концепции *creatio ex nihilo* в целом. Следствием такого понимания становится утверждение онтологической несводимости Бога и мира. Если творение не совечно Творцу, то оно имеет иной бытийный статус. Именно этот аргумент Отцы ставили в основу рассуждений о свободе Бога по отношению к миру.

Итак, Бог не есть мир. Но это отнюдь не означает, что они никак не соотносятся. Собственно, обоснование возможности не онтологического отношения твари и Творца — главный предмет христианского богословия (прежде всего христологии, аскетики и сакраментологии). Чтобы разработать такое обоснование, Отцам (в особенности Василию Великому, Григорию Назианзинскому и Григорию Нисскому) пришлось выйти далеко за рамки античной философии и предложить кардинально новое учение — концепцию личности.

Откровение говорит нам, что человек сотворен по бразу и Подобию Божию (Быт 1:26). Христианская теология всех традиций видит в этом указание на то, что человек не сводим к остальному тварному миру. Будучи созданным, имея начало во времени, он наделен некими качествами, которые возвышают его до Несозданного и Безначального.

Отталкиваясь от этого, христианские богословы пришли к идее личности. Бог наделяет человека разумом, свободой, способностью к творчеству, т.е. дает ему бытие, подобное Своему Собственному Бытию. Сотворение человека завершает этап

космического Божьего творчества. Человек — результат творения, его вершина и цель. В его личности мир обретает свою логику, перестает быть темной Вселенной, живет сообразно свободе, а не року и судьбе. На смену Божественному Трудю над миром приходит свободное человеческое творчество.

Через творящего человека мир открывает себя Богу, обретая личностное измерение. Для христианства крайне важно понимание Бога как бесконечной Любви. Любовь же мыслится как сущность Троицы, в Которой нет ничего, что не было бы Личностью. Она предвечно «воипостазирована». Таким же образом задумывался и человек. Свободно, наделяя его сообразным с Собой бытием, Бог делает мир открытым для Себя. Через человеческую личность весь универсум восходит к Создателю.

Отцы Церкви четко различают ипостасность и природность. Эти два начала имеют различный онтологический статус, но изначально не противоречат друг другу. Если личность есть то, что связывает человека с Богом, то природа — то, что связывает его с творением. Согласно христианскому богословию, до грехопадения природность была воипостазирована. С грехопадением же природа человека отпадает от Творца и собственной личности. Последняя остается в человеке лишь потенциально. Для ее актуализации необходимо усилие. Человеческое бытие оказывается разорванным и смертным. Природность становится своего рода проклятием для человека, который превращается из властелина в ее раба. Грех Адама отсекает все творение от Божественного Источника. При этом отношение Бога к миру остается прежним. И все последующее библейское повествование говорит нам об истории спасения твари ее Создателем.

Вот базовые послышки христианского учения о творении. Бог и мир не сводимы друг к другу онтологически, но мир значим для Бога. Человек оказывается выделенным среди всего мироздания. В замысле Божиим он есть личность и, следовательно, образ и подобие Творца. Его существование не случайно, а необходимо. Через человека мир восходит к Богу.

Однако при этом человек как свободное существо является источником греха и смерти мира. С его грехопадением мироздание отчуждается от блаженного протосуществования и природа, как способ его жизни, становится одновременно источником смерти. Время, как дар Божий, как то, что делало тварное бытие уникальным, становится фактором, определяющим его конечность.

Итак, мир в его отношении к Творцу является заложником человеческой свободы. Означает ли это, что экологическая критика христианства правомерна? Ответ в действительности сложен.

В начале 2-й главы книги Бытия (стихи 1–3) рассказывается о творении субботы — Дня Господня («И благословил Бог седьмой день, и освятил его; ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал»). Суббота — время Божественного покоя и мира. Здесь творение действует по прямому завету Божьему. Вся тварь через человека

участвует в поклонении Творцу, давшему ей жизнь. Это нашло отражение в Моисеевом законе о Субботе и, что для нас особенно важно, — в Евхаристии.

Евхаристия — главное таинство Церкви. Собственно она и есть Церковь (как мистическое Тело Христово). Здесь Бог сходит в пространственно-временную реальность, преобразуя её, наполняя её Собой. И Церковь собирается вокруг этого Таинства: каждая молитва, каждая церковная институция проникнута глубоким литургическим смыслом.

Евхаристия есть продолжение того поклонения, которое совершал человек до своего грехопадения. Об этом блестяще пишет Папа Бенедикт XVI: «В отрицании ритма свободы и исходящей от Бога праздности человек удалился от своего богоподобия и тем самым растоптал мир. Поэтому он должен быть оторван от упрямого занятия собственными делами; поэтому Бог должен был вновь привести его к настоящему делу, избавить его от власти дел. "Operi Dei nihil praerogatur" — "Ничего не предпочитай служению Богу" (изречение одного из основателей западной монашеской традиции, Бенедикта Нурсийского — А. С.). Сначала поклонение, свобода и покой Божий. Так и только так может поистине жить человек».

Евхаристия, с точки зрения богословия, есть не только чисто человеческое событие, не просто личностное объединение человека с Богом, но событие космического масштаба. Через поклонение человека Бог единит Себя со всем мирозданием. Это показывают сами тексты евхаристического канона («Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф. Исполнь небо и земля Славы Твоя...», «Твоя от Твоих Тебе приносящее о всех и за всё», «Ты от небытия в бытие привел нас еси и отпадшие восставил еси паки», «...иже мир твой тако возлюбил еси, якоже Сына Твоего Единородного дати, да всяк веруя в него не погибнет, но имеет жизнь вечную»). Через это единение тварь преобразуется в образ того протобытия, которое было вначале мира и будет после его конца.

Таким образом, христианство видит мир через призму Литургии, в которой человек и природа в нерасторжимом единстве приносят «жертву хваления».

Человеческая свобода и мироздание, конечно, связаны. Христианство — антропоцентричная религия. Но дело в том, что свобода в полной мере может быть реализована только на пути к Богу и никак иначе (это аксиома для богословия). А на этом пути унитарный подход к природе невозможен. Как личность, человек несет в себе образ и подобие Божие и продолжает процесс создания и преобразования мира. Подлинное преобразование происходит в приближении творения ко Творцу. Личность не действует в изоляции, а воипостазирует окружающее ее мироздание, делая его Божьим и человеческим.

Мусорный оркестр

История наша берёт своё начало в одном из беднейших районов Латинской Америки — на свалке Cateura, являющейся местом встречи всего мусора, что производится в столице Парагвая — Асунсьоне. Люди здесь в буквальном смысле живут по соседству с горами хлама и отбросов, тратя своё время на то, чтобы среди этого окружения найти себе пропитание и «новые» вещи. Стоит ли говорить, что наркомания, насилие, алкоголизм и заболевания — верные спутники этих людей?! На сайте landfillharmonicmovie.com написано, что семейные и дружеские связи достаточно сильны в этом районе, но, видимо, это связано с тем, что выжить в одиночку там практически нереально.

Но отвлечёмся на время. Сейчас в интернете можно найти бесчисленное множество видеороликов, в которых люди «извлекают музыку» из предметов, на первый взгляд, совершенно непригодных для этого: например, стаканов, пил, бочек и кучи всего остального. Мне даже приходилось видеть умельца, который вместо тамтамов использовал ягодицы молодых девиц. Стоит отметить, что «сыграно» всё, как правило, на неплохом уровне, но, с другой стороны, всё это делается, как мне кажется, ради хохмы и чтобы показать себя.

А теперь вернёмся в Cateura и вспомним, что среди всего того мусора и нонсенса, с точки зрения «цивилизованного западного человека», живут дети. Дети, для которых действительность — это тонны отходов, сгружаемые самосвалами каждый день, а игровая площадка — это мусорная свалка. И удивительно, что среди всего этого уныния и дикости находятся два человека — мусоросборщик по имени Cola и музыкант Favio Chavez, которым приходит в голову идея занять детей. Они начинают собирать музыкальные инструменты из того, что у них под ногами — мусора (поскольку денег, естественно, нет) и создают один из самых необычных оркестров в мире — «The Recycled Orchestra», девизом которого становится фраза: «Мир шлёт нам мусор, а мы отвечаем ему музыкой».

Когда мы вешаем на вещь бирку «мусор», она (вещь) перестаёт для нас существовать в своём из-

начальном смысле и состоянии. Игрушка перестаёт, быть игрушкой, еда — едой, одежда — одеждой. Вещь, которая мгновение назад имела функции и предназначение, становится аморфной массой, судьба которой после отправления её (массы) в ведро нас мало интересует. Если только мы не передумали и — о чудо! — вещь снова стала вещью. Но на этом её весёлые приключения не заканчиваются. Потому что это только для нас «бывшие любимые джинсы» превратились в кучу скомканного хлама. Пройдя путь до контейнера и будучи обнаруженным лицом без места жительства или просто бедным человеком, то, что нам казалось уже непригодным, вдруг опять становится одеждой (если брать джинсы в пример). А если не нашли эти джинсы, то они отправляются в Cateura, где становятся обновкой для местного «жителя». Получается, что то, что мы называем мусором, носит, вообще-то, некий относительный характер, и что вещь может претерпевать забавные метаморфозы, представая то в ипостаси нужного, то теряя этот бытийный статус. Причем, пройдя по мусорным инстанциям, аморфное нечто на свалке преобразовывается, например, в гитару, с помощью которой ребёнок изливает из себя музыку. Причём эта музыка никому не известного мальчугана или девочки становится их способом коммуникации с миром, их языком, которым они говорят о своих проблемах. Вот уж действительно удивительная трансформация из консервной банки в язык!

Алексей Воронин

Великий и могучий...

Слово, о котором пойдет речь, давно вошло в привычный лексикон каждого носителя русского языка. Мы используем его практически каждый день, однако мало кто как следует присматривался к многообразию его значений.

Слово «мусор», по словарю П.Я. Черных, в русском языке известно с XVII века. Значение его тогда было более узким, чем знакомое нам сегодня. Так, в словаре В. Даля (1881) мусором называются «остатки, сор от каменной кладки и печной работы; битый камень, кирпич, глина, мелкие остатки каменного, древесного угля, <...> в древесном деле: смесь толченого древесного угля с глиной для набойки домен и огнестойкой смазки», либо «срамная, похабная речь, сквернословье». В словаре Ушакова, изданном позднее, специальное значение остается, но оно представлено наряду с более привычным нам — «сор, отбросы».

Впоследствии это слово полюбилось представителям криминального мира, а также вошло в молодежный сленг. В такой сфере, не ограниченной жесткими рамками литературного языка, «мусор» постоянно приобретал новые значения. В «Большом словаре русского жаргона», например, показаны следующие:

1. Легко добытые деньги;
2. Милиционер;
3. Надзиратель в ИТУ;
4. Доносчик;
5. Футбольная команда «Динамо»;
6. Фанат футбольной команды «Динамо».

Возникли даже устойчивые словосочетания с этим словом. Такие как «делать мусор» — сильно избивать кого-либо, или «уборка мусора» — поиск информации, оставленной пользователем после работы с компьютером.

«Мусор», кроме того, стал основой для многих новых слов. К нему добавляли различные приставки и суффиксы, изменяли его род, число, место ударения, и каждый раз получалось абсолютно новое слово со своим конкретным значением.

Почему именно слово «мусор» стало таким популярным в сфере нелитературного языка? В.С. Елистратов в «Словаре русского арго» связывает появление слова «мусор» в криминальной речи

с влиянием древнееврейского языка, где «musor» обозначает «наставление, указание». Отсюда и еврейское «мусер» — доносчик. Кроме того, значение слова в русском языке придает пренебрежительный, презрительный оттенок, в целом характерный для лексикона незаконопослушных граждан.

Из области арго «мусор» в своем специфическом значении стал проникать в повседневную жизнь более широкого круга людей, особенно в молодежную лексику. Как часто бывает, «неправильное» выражение с негативной окраской, своеобразный «запретный плод» для литературного языка, становится общераспространенным очень быстро. Есть повод гордиться великим и могучим русским языком, в котором слова, даже самые невзрачные на первый взгляд, живут такой интересной, сложной жизнью.

Наташа Плахотнюк

Теории мусора: обзор литературы

Современные философские и социологические теории и исследования, посвященные тематике отходов, феномену распространения мусорных масс, открывают нам, что отходы — это не только порождаемые промышленностью остаток материалов и безответственность структур, отвечающих за экологическое здоровье среды, но и всё, что может быть отторгнуто, выброшено, определено как ненужное, нечистое и прочее «не» — то, от чего некоторое общество хочет избавиться. Под категорию мусора может подпасть всё — предметы, взаимоотношения, информация. Одни из главных вопросов, на которые в этой связи приходится ученым искать ответ: почему нечто определено как чистое и почему нечто становится грязным? Почему образуется такая категория, как «отходы»? В проблематику отходов вплетается гигиена — тела, жилого пространства; эстетика и ольфакторное восприятие, представления медиков о природе загрязнения. История отходов и история представлений о гигиене тесно связана.

Весьма подробно опыт борьбы с отходами в Европе (и Франции особенно) рассказывается в переведённой на русский язык и завоевавшей определенную популярность книге Катрин де Сильги «История мусора: От средних веков до наших дней» (2011). Основной вывод, к которому приходит автор, малоутешителен: «Необходим глобальный подход, и он должен опираться на четыре принципа: принцип предупреждения (для минимизации выбросов), принцип ответственности (когда платит тот, кто загрязняет и столько, насколько загрязняет), принцип защищенности и принцип близости (отходы должны обрабатываться там же где и производятся).

Схожие с тематикой Катрин де Сильги (история и применение мусора), в США выпускались следующие труды: Элизабет Ройт (Royte E. Garbage Land: On the Secret Trail of Trash (2011)), рассказывающей о применении мусора в повседневной жизни;

Хитера Роджерса (Rogers H. Gone Tomorrow: The Hidden Life of Garbage (1970)) — про особенности американской истории мусора; Сюзан Страссер (Strasser S. Waste and Want: A Social History of Trash (1999)); Терезы Гован (Gowan T. Hobos, Hustlers, and Backsliders: Homeless in San Francisco (2010)) — этнографическое описание жизни бездомных и их взаимодействия с отходами; и др. Широко известна работа Дэвида Пеллоу (Pellow D. Garbage wars: the struggle for environmental justice in Chicago (2002)). «Мусорные войны» — собственный термин автора, обозначающий любые конфликты, касающиеся отходов, и борьбу за равную возможность пользования природными и социальными ресурсами. Эти конфликты возникают на почве поиска безопасной ниши — в результате политических и этнических столкновений, и, как правило, среди людей с очень низким доходом. Подробно освещена тема мусорособирающего как главного актора во взаимоотношениях с мусором у Мартина Медины (Medina M. Scavenging on the Border: A Study of the Informal Recycling Sector in City (1990)).

На некоторых концепциях стоит остановиться подробнее. Центральная теория, не утрачивающая своей актуальности и лаконичности сегодня, отсылает нас к классическому исследованию М. Дуглас «Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу» (2000). Для нее чистое и нечистое — релятивистский язык символов, а «гигиена — дело эстетики, не связанное с религией». Из этой работы мы узнаем, что нынешние представления о грязном берут своё начало в XIX веке, когда были открыты болезнетворные организмы, и что грязь — это способ упорядочивания социальной структуры, т.е. «вещи не на своем месте» — ботинки на обеденном столе, немытая посуда. «Наше поведение, касающееся нечистоты, — это реакция, отторгающая любые предметы и идеи, не отвечающие и противоречащие нашим классификациям».

Жерар Бертолини, социолог и экономист, в своем эссе «Мусор — это другие» пытается определить

значение мусора и отходов в жизни человечества. Он подводит под понятие отходов экскременты, бытовой и промышленный мусор, а также трупы. При этом он соотносит действия по утилизации мусора с действиями, которые характерны для обращения с умершими: «гроб — мусорный бак, катафалк — мусоровоз, погребение — вывоз на свалку или захоронение; кремация — сжигание». Бертолини настаивает на том, что понятие «отходы» так или иначе сходно с понятием экскрементов, которые негативно и с отвращением воспринимаются окружающими, как и всё, что может быть косвенно связано с ними, — люди, которые работают с отходами, а также вещи, которые их касаются. Так, мусорный бак становится «оскверненным», опасным и отвратительным. Ученый использует психоаналитическую концепцию З. Фрейда, где взросление человека проходит определенные стадии, в том числе связанные с отношением к собственным отходам жизнедеятельности, выделяя психологические отклонения, основанные на отношении к потреблению и отходам. Для одной группы патологий характерно стремление накапливать вещи, для другой — использовать, пачкать; третья характеризуется чрезмерной любовью к чистоте и патологической боязнью грязи.

Потребление как категория, связанная с отходами, также рассматривается в работах Ж. Бодрийяра, Ги Дебора, Э. Тоффлера и др. В распространяющихся сегодня идеях фриганства, направленных против общества потребления, немаловажная роль отводится и отходам как возможному сырью в новой производственной модели.

Доменик Лапорт в своей работе «История дерьма» замечает, что язык формирует идеологию дурных запахов: описывая их благоуханное и зловонное начала, он выдвигает культурные ограничения и запреты. Лапорт считает, что процесс очищения всегда распространяется на все культурные ценности — уборка улиц есть также и очищение визуального пространства, и создание этикета. Основная метафора-идея Лапорта состоит в том, что любая культура содержит некоторое очищающее пространство, сточную канаву, которая «превращает попадающий в нее продукт в золото», т.е. что существует некоторый «оборот» нечистот. Второй его тезис: тот, кто контролирует отходы и испражнения, обладает властью. Третий тезис: «в основе любого производства лежит производство нечистот». Лапорт также указывает на двоякое отношение к отходам в цивилизованном мире, связываемое им со стремлением человека к получению выгоды: с одной стороны, от отходов желают избавиться, с другой — они являются необходимыми удобрениями. В итоге, отношение к отходам определяют место и ситуация.

Ирландский социолог Анна Дэвис занимается анализом международных отношений в сфере управления отходами, энвайронментального управления (см. её работу «The geographies of garbage governance» (2008)). Рассматривая существующие мировые наднациональные организации, наделенные властными полномочиями регулировать эко-

логическую ситуацию, она приходит к выводу, что для глобальной энвайронментальной модернизации политики утилизация мусора необходимы тесные партнерские отношения между муниципальными властями, государством и мировыми регулятивными корпорациями. Отходы, согласно Дэвис, могут быть вопросом только глобального управления. Наиболее продуктивными подходами она считает сетевую теорию Кастельса и институциональное направление. Соответственно, она рассматривает государство и регионы покрытыми сетью обмена различными ресурсами, в том числе и отходами, где основными акторами выступают социальные институты разного масштаба.

На сегодняшний день не существует некоей единой концепции, способной охватить все многообразие проблем, которые отходы вносят в нашу жизнь. Всё больше исследователей ощущают потребность создания макротеории, которая адекватно отразила бы масштабность этих проблем. Фундаментом для новых построений могут служить уже существующие теории риска, развитые У. Бекон, Э. Гидденсом, Э. Карантелли, К. Перроу, Г. Бехманном и др.

Юлия Ермолаева

«Священный мусор», или как хранить тексты

В большинстве синагог есть специальная комнатка, куда чего-то постоянно заносят, но откуда никогда ничего не выносят (или выносят, но очень редко). Это помещение называется гениза (или гениза, как принято её называть в русскоязычных текстах).

«...Тора была дана нам, написанная чёрным огнём по белому огню», — говорит мидраш. Но кто из существ, состоящих из плоти и крови, мог бы пользоваться таким вот Указанием (а именно так с иврита переводится слово «Тора») Б-га? Вот и пришлось Моше (Моисею) переписывать всю Тору (которая, мягко скажем, не ограничивается одним лишь Пятикнижием!) с огненного «экрана» на каменные скрижали. Но это было уже во время второго восхождения Моше на гору Синай, ведь во время первого Б-г Сам высек ему на камне заветные слова. Спустившись вниз, лидер еврейского народа увидел, что его братья согрешили, создав золотого тельца. И Б-годанные скрижали полетели вниз, раскололись на множество частей, обратившись... в мусор. «И молодец, что так сделал! — сказал Г-сподь Моисею. — А теперь поднимись и напиши заново! Уже ты, а не Я!» — тогда Моше и занялся этим сорокодневным трудом переписчика...

А «мусор» разбитых Скрижалей хранился впоследствии в «священном ящике» (арон кодеш на иврите, по-русски иногда говорят «Ковчег Завета») и в Мишкане (Скинии) во время странствий в пустыне и в первые столетия заселения Земли Обетованной, а потом и в Первом Храме...

Но вернёмся к генизе.

В книгах знатоков Тайной Торы (которую почему-то называют метонимично по имени одной из её частей — Кабаллой), как, например, в «Книге начала» (Сефер Йецира), сказано, что весь наш мир был сотворён буквами еврейского алфавита. А ещё говорят мудрецы, что Вселенная проистекает только из одной буквы ך (hey) таинственного Тетраграмматона, четырёхбуквенного Имени. Поэтому всё, что написано святыми буквами, не может быть уничтожено (разве только чтобы исправить орфографическую ошибку).

Эй, ну чего там про генизу-то? Гениза — специ-

альная комната, где хранятся использованные еврейские тексты (как правило, религиозные, но бывает, что и все, написанные *алеф-бейс*’ом, еврейским алфавитом), пришедшие в негодность. Шутка ли, если в свитке Торы, над которым *сойфер* (переписчик) корпит порой многие месяцы, обнаруживается более 70 орфографических ошибок — свиток отправляется в «священную мусорку». Свитки Торы потом хоронят, как людей, на тех же кладбищах, а до «похорон» текст лежит в «мусорке» — генизе (узнаёте систему «Отправить в корзину» — «Очистить корзину»? — знайте же, откуда это!).

В грядущем, во времена Мошиаха, вновь обретутся многие вещи, которые были ещё и в Первом, Соломоновом, Храме — в том числе и «коробка со священным мусором» — разбитые первые Скрижали, высеченные самим Б-гом!

Давид Апфельбаум

Рецензия на книгу Мотрошиловой Н.В. «М. Хайдеггер и Х. Арендт: бытие-время-любовь»

В 2013 году свет увидела книга, которую можно без преувеличения назвать новым, оригинальным шагом в российском хайдеггероведении — исследование Н.В. Мотрошиловой «М. Хайдеггер и Х. Арендт: бытие-время-любовь». Уже название, в котором к традиционно ассоциирующейся с именем Хайдеггера связке «бытие-время» смело добавлено слово «любовь», говорит о ведущем замысле книги: отыскать в истории любви двух эпохальных фигур XX века нити, ведущие к более глубокому и тонкому истолкованию творчества обоих мыслителей. Замысел, который в своей первоначальной формулировке может показаться конкретной историко-философской задачей, вырастает в многомерное повествование: в нём в тесном сплетении выступают конкретные историко-философские анализы, биографические сюжеты, описания Германии 20–70-х годов и размышления о проблемах современности; в нём философский контекст, в котором были созданы произведения Хайдеггера и Арендт, дополнен историческим и «личным» контекстом их жизни; в нём на нескольких уровнях — личностном, философском и социально-политическом — происходит диалог между мыслителями, их эпохой и окружением.

Несмотря на такую содержательную насыщенность исследования, тема любви в нём, безусловно, главенствует, не подавляя, однако, других линий повествования. Возможно, именно такой ракурс рассмотрения до известной степени «искупляет» сам замысел написания биографии Хайдеггера, против чего, как известно, категорически выступал сам Хайдеггер. Искупительная сила этого биографического исследования заключается в том, что материалы переписки Хайдеггера и Арендт, подробно освещённые в книге, а также анализ ранее неизвестной русским читателям работы Арендт «Тени» действительно позволяют наполнить новым содержанием «абстрактные» построения «Бытия и времени». Читателю приоткрывается скромный, на первый взгляд, факт, что Хайдеггер говорил о себе и «жил» тем языком, на котором написано «Бытие и время», в силу чего эта переписка становится одним из ценных ключей к расшифровке и наполнению смыслом замысловатых формулировок хайдеггеровской философии.

Не менее плодотворным направлением исследования, заданным этой книгой, является разбор философской темы любви, обойдённой молчанием в работах и публичных выступлениях Хайдеггера,

но нашедшей отражение в переписке и стихах, которые, благодаря своей глубине и выразительности, достойны быть включёнными в корпус наследия философа.

Примечательна та роль, которую играет в повествовании о любви проблема симметрии. Одним из главных упреков Хайдеггеру является принципиальная асимметричность личных и творческих взаимоотношений между ним и Арендт: главенствующая роль Хайдеггера не позволила ему в полной мере оценить талант Арендт и вести с ней равноправный творческий диалог. Поэтому одной из целей книги является ретроспективная попытка восстановить нарушенную симметрию хотя бы в философском плане — то есть отвести Арендт, увиденной из иной исторической перспективы, не менее важное место среди «законодателей» философии минувшего века, что достигается путём анализа и «актуализации» значительного корпуса текстов мыслительницы («Vita Activa, или о деятельной жизни», «Элементы и истоки тоталитарного господства», «О политической философии Канта: курс лекций» и др. статьи). Одновременно эта цель достигается и путём критического сопоставления работ Арендт и Хайдеггера, в ходе которого последний зачастую оказывается представлен не в наилучшем свете: содержит в себе мощный, социально-исторически ориентированный критический посыл, эта книга выступает в определённой степени «противоядием» от Хайдеггера, акцентируя в его жизни и творчестве моменты политической близорукости, отстранённости от исторических реалий, практической и жизненной «нерелевантности» его построений. Так, восстановление нарушенной симметрии приводит к неоднозначному результату. С одной стороны, в книге воссоздан гармоничный, последовательный, яркий образ Ханны Арендт. С другой, фигура Хайдеггера здесь крайне амбивалентна — признание его гениальности сочетается с вытекающей из последовательного применения к его творчеству «социально-исторического» критерия констатацией «тривиальности», витиеватой абстрактности хайдеггеровской философии, в особенности — философии позднего периода. Даже будучи спорной во многих своих выводах, эта книга, несомненно, обладает важным (если не важнейшим) для философского и историко-философского текста качеством — она способна разбудить новые размышления и открывает простор для философских поисков.

Наталья Сафронова

Еще раз о поэтике заглавий

У Сигизмунда Кржижановского есть такая книжечка, «Поэтика заглавий», выпущенная в 1931 году в издательстве «Никитинские субботники». Это единственная прижизненная книжица замечательного и, может быть, самого философского русского писателя XX века. В ней — о том, что заглавие — это уже полдела, полкниги. С этой точки зрения книга Алексея Налепина и Татьяны Померанской «Розанов@etc.ru» явно не удалась. Название и прочитать-то только — уже диву дашься. Назови так свой новый фильм автор «Напутственного слова», «давний друг, единомышленник и коллега» авторов, Никита Михалков, — «Розанов собака и так далее точка Россия» — и всё! Ни проката, ни окупающихся затрат на производство фильма. Но гуманитарная культура — она давно уже в нокауте, на остаточном принципе, поэтому подобный «оживляж» ничего ей особенно не прибавит и не убавит. Как не прибавит ничего к пониманию Розанова его отождествление с собакой, с козлицем, как это делал Михаил Пришвин и его гимназические сотоварищи в Ельце, или другим каким тотемным животным. Вот и думаешь про себя — не стоило бы людям, уже не очень молодым и очень достойным, можно сказать, всю жизнь просидевшим в архиве, придумывать что-то такое, чтобы сделать Розанова привлекательнее для подрастающего поколения — выращенного в реторте Майкрософта и пересаженного в гумус Билла Гейтса. И тут же ловишь себя на мысли: а кто, читая лекцию о Розанове, говорил, что это он, по сути, придумал гипертекст задолго до гипертекста в своем «Уединенном» и в своих же «Опавших листьях»?

Вспоминая заглавия других книг о Розанове, затруднишься отыскать удачное и понимаешь, насколько проигрывают они почти безукоризненным заглавиям самого Розанова, умевшего, при всей причудливости его натуры, называть книги просто, ясно и лаконично: «О понимании», «Природа и история», «Религия и культура», и — уже после ухода в психологизм и «стиль» — «Уединенное», «Мимолетное», «Апокалипсис нашего времени», «Из восточных мотивов». Никакой вычурности, может быть немного поэзии, но полное соответствие заглавия и замысла.

Вообще интересно, что вся русская и советская философия прошла мимо Розанова, как она прошла и мимо стиля. Стиль ей просто был не нужен, не интересен. Есть категории диалектической логики, есть саморазвивающаяся в историческом процессе истина. При чем тут стиль? Розанова нашли и подобрали филологи. Бахтин говорил своим ученикам, отвечая на их вопрос — «что читать?» — «читайте Розанова». Аверинцев признавался (сам

это от него слышал): «я его боюсь»! Для филологов же Розанов был недосыгаем в своей раскрепощенности. Его фразы смаковали, их цитировали, над ними негодовали, ими восхищались. Из философов мимо Розанова не прошли разве только Дмитрий Галковский в 80-е и Владимир Биbihин в 90-е. Это не помешало последнему, внимательно обнюхав «Бесконечный тупик», не признать его автора за свояка. Щедровицкий и Розанов. Библер и Розанов. Ильенков и Розанов. Мамардашвили и Розанов. Звучит абсурдно! Последний даже не очень умел писать. Предпочитал говорить: «Грузинский Сократ». Розанов ненавидел говорение. Старался посылать письменный текст на заседания религиозно-философских собраний, сказавшись больным.

Книга Алексея Налепина и Татьяны Померанской — собрание в разное время написанных ими статей, а также архивных публикаций текстов Розанова. Налицо настоящая любовь к Розанову, как налицо и эта бахтинская традиция, эстафетная палочка любви к Розанову, переданная Вадиму Кожину, Петру Палиевскому, Сергею Бочарову. Книга учит философа тому, что ему, как правило, не свойственно, — вниманию к архиву, к мелочам, к «литературным изгнанникам» (термин Розанова). В культуре действует принцип: «никто не забыт, ничто не забыто!» Потому что иногда именно забытому, но хранимому тем не менее в «вечной памяти» Божией, достается даром неожиданный посмертный бенефис. Как это и случилось с Розановым. Письма Леонтьева, бережно и с любовью опубликованные Розановым в 1903 году, в очередной раз перепечатаны Налепиным — это текст на века. Сколько людей входило и еще войдет через него в русскую культуру!

Розанов все-таки был философ. И не только потому, что он написал «О понимании». Тонко чувствуя, понимая, интерпретируя литературу, сделавшись литературным критиком, он чувствовал и ее тлетворный яд. «Еще никогда не бывало случая, "судьбы", "рока", — чтобы "литература сломала наконец царство", "разнесла жизнь народа по косточкам", "по лепесткам", чтобы она "разорвала труд народный", переделала "делание" в "неделание", — завертела, закружила все и переделала всю жизнь... в сюжет одной из повестей гениального своего писателя: "Записки сумасшедшего"». Его осенние «опавшие листья» не есть ли такой же уход в литературу, попытка с помощью выговаривания, заклинаний, фольклора, невербальных до-словных и под-строчных смыслов текста остановить надвигающийся ужас и смерть?

Трагедия через свалку:

рецензия на спектакль театра Сатирикон

«Ромео и Джульетта»

Спектакль играется для разума — чем яснее знаки, тем глубже переживания, чище удовольствие; такова гипотеза Р. Барта (см. статью «Сила античной трагедии»). Спектакль театра Сатирикон «Ромео и Джульетта» заставил меня переживать всерьез: независимо от моего знания шекспировского текста, от направления моей воли, мне было страшно или радостно, или трогательно, или досадно. Не в том смысле «всерьез», будто я испугался настоящей смерти, как если бы *актриса*, игравшая Джульетту, действительно умерла, заколов себя кинжалом; нет, я принял близко то, что происходит с *персонажами*, менялся от того, что происходит внутри пьесы. Разве не странно: чужие чувства и за чужое (400 лет назад в Вероне, или, судя по декорациям, некогда сейчас), и вместе с тем — очень ясные и прозрачные, настоящие, собственные чувства? Почему так произошло, как это устроено? Не знаю — загадка, тайна.

Спектакль поставлен по классическому произведению, текст пьесы оставлен без изменений и произнесен весь, от начала до конца. Но как он произносится, чем сопровождается? Текст окружают ясные, будто усиленные интонации, чересполосица ритмов (то бешеное клокотание — как в перепалке Монтекки и Капулетти, то «замедленная съемка» — когда Джульетта узнает о смерти Ромео от нянюшки), активнейшие передвижения, прямолинейная (часто до грубости) мимика; котлован велодрома, американские горки, решетки, игровые автоматы, велосипеды разных конструкций, гимнастические мячи-сиденья и гимнастические палки-шпаги, графические потоки крови, горение бикфордова шнура на всю сцену, восход и закат, заваленная белыми розами гробница Капулетти, огромное, подмигивающее лицо клоуна в одном из антрактов...

С другой стороны, читая текст пьесы, я также сопереживаю. Но в чтении всегда минимум внешнего: буквы на бумаге должны не выглядеть, а складываться в слова, ибо работу внешнего, действительного, того, что пугает или радует, выполняет воображение. Совсем по-другому обстоит дело в театре: нельзя не «выглядеть». Однако в этом спектакле каждая сцена максимально насыщена, абсолютно овнешнена, притом с самого начала (корня, источ-

ника) представления, с актера. Как будто актеру дали эпизод и сказали: «Вытащи из него все, что можешь, выложись полностью!», и так — каждому актеру, каждый эпизод; так что в итоге спектакль оказался разложен на калейдоскоп ярких вспышек, на множество броских клипов. Что можно разобрать в таком шуме?

И все же во мне был гнев Джульетты, отчаяние Ромео, негодование брата Лоренцо. «И все же» предполагает противопоставление, но, возможно, здесь нет противопоставления, а есть следование. Быть может, именно так, через шум и гам, получилось громоздкий стихотворный текст, наполненный изящным слогом и изощренной и тонкой словесной игрой, оживить для сцены; так он стал не смешным, не пошлым, не странным и неприличным уху, а хватающим, цепким, пробирающим. Выделанность слога поддерживается бешеной активностью тел, пластикой актеров, которая как бы создает второй текст, подкладку под слова, и этот дополнительный язык воздействует разнообразно: подчеркивает основной, иронизирует над ним, расцветчивает оттенками... и странным образом облегчает, делает приемлемым: чистое переживание входит в организм, расслабленный привычным мельтешением, мишурой и пошлостью.

Итак, «чрезмерная» мишура оказывается как раз достаточной, чтобы поднять и удержать напряжение схваченной шекспировскими строфами драмы. Весь этот мусор разорванных, разрозненных костюмов, байкерских катаний, рэперских речитативов, громко сказанных громких фраз, пустых зрелищ, незначащих слов... мусор, подобранный на свалке расхожего понимания «современности» (где хранятся все эти стереотипы о нашем «сейчас?»), не только отражает бессознательное наше настоящее, но делает возможным событие трагедии, так что мы это событие замечаем, переживаем, вбираем.

Возможно, это начало (корень, исток) наиболее честного и ответственного обращения с мусором: не отбросить и забыть, убрать с глаз долой, но удержать на нём взгляд, выдержать напряжение, ощутить за ним... действительно? реальное?

Заклинаая призраков

Интервью с Александром Куприяновичем Секацким, философом, телеведущим, публицистом, персонажем, писателем, лауреатом премии Андрея Белого, автором книг «Моги и их могущества» (1996), «Соблазн и воля» (1999), «Онтология лжи» (2000), «Ужас реального» (2003), «Прикладная метафизика» (2005), «Изыскания» (2009), «Последний виток прогресса» (2012) и др.

Финиковый компот: Насколько я знаю, Вы — единственный философ, написавший текст про опоздание в экзистенциальном его измерении (я имею в виду «Неспешность»). Редакция «ФК» обратилась к этой теме в одном из своих выпусков (см. ФК №4, август 2013). Номер мы сделали, но некоторые теоретические вопросы остались для нас туманными. Например, как Вы думаете, возможно ли опоздание, когда существует тот, кто ожидает, но нет того, кто опаздывает? Изменилась ли вообще Ваша позиция по этому вопросу с тех пор, как Вы опубликовали «Неспешность»?

Александр Секацкий: Начнем с того, что неспешность и опоздание суть вещи несовместные. Понятно ведь, что никогда не опаздывает лишь тот, кто никуда не спешит. Опоздание вписано в дискурс успеха как неперенный негативный полюс. Перефразируя пословицу, скажем: кто опоздал, тот не успел и уж тем более не преуспел. Причем одержимость страхом опоздания сегодня, пожалуй, даже сильнее, чем непосредственная одержимость успехом. Неспешность на этом фоне есть утопия, реализуемая, однако, в частном порядке.

Вторая часть вашего вопроса касается, скорее, не опоздания, а запаздывания. Запаздывание как экзистенциальная данность является неперенным и важнейшим обстоятельством заброшенности в мир, а стало быть, универсальной формой точного самоотчета сознания. И тогда можно, например, спрашивать: а существует ли Тот, Кто Ожидает, если опоздали все?

ФК: Видите ли Вы какое-то отличие современного питерского философского стиля от московского?

А.С.: Тут довольно много неуловимых параметров. Понятно, что в выборе тем региональные различия не прослеживаются, равно как в объеме эрудиции и в том, что мы по старинке будем называть талантом: дух дышит, где он хочет. Но раз уж речь зашла о стиле, а стиль, в свою очередь, связан с устройством тусовки, кое-какие вещи действительно заметны. Однажды гостя из Москвы, ознакомившись с устройством и нравами питерских тусовок, сказала: «У вас тут принято сначала продемонстрировать черный пояс, а уж потом садиться выпивать и непринужденно беседовать. А в Москве это ни к чему, там обладателями "черного пояса" становятся как бы пожизненно». Она права, иногда случа-

ется позавидовать московской снисходительности. Вообще, признанность в нашем городе, именно неформальная признанность, определяется самыми высокими критериями — требования гораздо жестче, чем в Москве или, скажем, в Берлине: пару раз Акела промахнулся — и все, разжалован в рядовые. А если еще о стиле, то в Питере заметно меньше «слишком человеческого»...

ФК: Как Вы оцениваете деятельность Е.С. Линькова?

А.С.: Больше всего впечатляла легкость владения гегелевским дискурсом и вообще языком немецкой классической философии в его русской версии. Для Евгения Семёновича Линькова это был аутентичный язык мысли, на который не нужно было ничего переводить, его собственная внутренняя валюта мышления. Многие обороты отличались от имевшихся переводов Столпнера и Шпета; по-видимому, это происходило спонтанно — так дух Гегеля дышал на русской почве, на наших глазах органично разворачивался грандиозный диалектический аттракцион. Я тогда впервые задумался об удивительном мироизмещении русского языка, его пригодности для любого типа философской рефлексии. Для англоязычной философии язык Гегеля так и остался принципиально иностранным, непрозрачным, а вот французский, благодаря Кожеву, сумел подхватить мысль Гегеля на лету — и это произвело целую революцию в философской мысли Франции.

Вспомнилась блестящая лекция Линькова, посвященная принципу развития у Гегеля, виртуозное развертывание тезиса «все развиваемо, но не все развивается»...

ФК: Может ли философия быть маргинально-прогрессивной практикой? Не получается ли так, что то, что само обозначает себя как маргинальное, производит это обозначение с властной, т.е. центристской позиции, что заранее обезвреживает опасность и революционность любого дискурса?

А.С.: В каком-то смысле маргинальность действительно является уделом всякой подлинной философии в момент ее актуальности. Философия не произрастает на вытоптаных общих местах, там властвует моралистическая риторика, охотно принимаемая обыденным сознанием за философию и вообще за духовность. Как только мы обнаруживаем подобную «духовность» в интерьерах позы мудрости, можно смело переключать внимание на что-нибудь более интересное. Другое дело — обращение к огромному внутреннему архиву, который накопила европейская метафизика за тысячелетия своего существования. Такое обращение тоже по-своему противостоит банальности и поддерживает дисциплину разума. Революционная мысль без обращения к архиву, без умелой работы с ним, невозможна — а без революционной мысли невозможна и революционная практика.

ФК: Как, по-Вашему, соотносится человек и его персонаж? Не секрет, что философы очень часто спорят не с другими философами, а с мифами, которые созданы о них. Каков характер связи между копией и оригиналом в данном случае?

А.С.: Сами мифы не спорят друг с другом и друг друга не слышат, в этом их сила. И наоборот, ни один тезис не может быть включен в философию без внутреннего спора. Но в многомерном пространстве философской мысли частенько встречаются мифологемы и мифологические внятки — у них особой статус. Там же обитают и призраки, носящие имена умерших мыслителей, их зовут, например, Декарт, Спиноза или Фрейд. Одноименных призраков много, как справедливо отмечал Деррида, они существуют наряду с аутентичными прочтениями и параллельно им. И споры как с ними, так и между ними могут быть в высшей степени плодотворными. Пожалуй, и среди живых настоящим философом можно считать лишь того, кто способен заклинять великие призраки, заставить их заговорить...

ФК: В разных своих выступлениях Вы говорили, что скорость, которую дают современные технологии, убивает технику медленного чтения-ради-самого-чтения, коя только и позволяет оперировать смыслами. Но неужели скорости и чтению-ради-кейсов не принадлежат какие-то свои смыслы, свои возможности, своя поэтика и даже своя самоирония?

А.С.: Еще как принадлежат: обмен скоростными прочтениями — это едва ли не основная характеристика современного мира. Другое дело, что множество реальностей — чувственных, аффективных, «хрономеханических» — принципиально не синтезируются на таких скоростях. А поводов для самоиронии, не говоря уже про иронию со стороны, тоже сколько угодно — если вспомнить, например, знаменитый вопрос Витгенштейна о возможности мировой скорби продолжительностью в несколько секунд. Или изящную формулировку одного из моих коллег — «мгновенный мистицизм»...

Да и поэтика собственная существует: вот запечатанный конверт смысла передается по скоростной эстафете, и участники эстафеты никогда не могут быть уверены, найдется ли тот, кто все же вскроет конверт. Тут, несомненно, возникают какие-то эффекты быстрогодействия, наподобие бликов, — но мне они почему-то не интересны.

ФК: О чем Вы ещё не думали?

А.С.: Об этом я подумаю завтра — так, кажется, любила говорить героиня «Унесенных ветром»...

Что значит быть футбольным фанатом?

Чтобы понять, что значит быть футбольным фанатом, стоит ответить на другой вопрос: «Что отличает футбольного фаната от футбольного болельщика?» Вроде бы все просто: вот вам молодой парень, возможно даже школьник, прикрывший лицо шарфом, с файером в руке, выкрикивающий ругательства в адрес чужой команды, других болельщиков, да и кого ему заблагорассудится; а вот кто-то уже постарше, возможно даже пенсионер, который назовет вам результат любого матча за последние лет десять, да еще и назовет авторов голов. По сути, такие описания — стереотипы, которыми руководствуются «нефутбольные» люди, размышляя о сообществе любителей футбола. И не сказать, что они неверны, но куда важнее внешнего описания понимание того, почему в числе болельщиков футбола в широком смысле слова (всех людей, кому интересен футбол) оказываются столь разнородные группы и зачем каждой из этих групп вообще этот футбол нужен.

Стоит отметить, что противостояние болельщиков и фанатов — не просто формальное различие исследуемых групп; оно, пусть зачастую и негласно, существует и в их реальных взаимоотношениях. Фанаты небрежно относятся к простым болельщикам, считая недостойной пассивную поддержку команды. Это же не театр, и молчание на стадионе является самым настоящим смертным грехом. Слово «кузьмич», на фанатском сленге означающее обычного болельщика, наиболее полно характеризует содержание этого отношения. В свою очередь, сами «кузьмичи» имеют не меньше, а зачастую куда больше претензий к фанатам. Последние просто мешают им смотреть футбол и вообще портят все

впечатление. Использование пиротехники, нецензурные речевки, не говоря уже о драках с другими фанатами и полицией... — Ребята, вы вообще сюда зачем пришли? На поле смотрите и наслаждайтесь!

Проблема такого непонимания связана с тем, что футбол для разных людей может выполнять различные функции, никак не связанные между собой. Болельщику нужен футбол как таковой, сама игра, движение мяча по полю в течение 90 минут. По смыслу это не сильно отличается от любви к театру, кино или книгам; главное — получаемые эмоции и эстетическое удовольствие. У болельщика есть специально выделенное время под футбол в его жизненном распорядке, пусть иногда и несоизмеренно большое, но это лишь своего рода хобби. Для фаната же футбол играет куда более существенную роль, определяя его социальную идентичность, выходящую далеко за рамки отдельного футбольного матча.

Формально, быть фанатом футбольного клуба — как быть членом религиозной секты. Есть объект поклонения (твой любимый клуб), есть ритуальные тексты (речевки или песни, исполняемые на всех матчах), престижным считается пройти сложный духовный путь (посетить все гостевые матчи твоей команды в течение сезона). У фанатского объединения всегда есть структура, руководители, в среде фанатов одного клуба могут быть даже конфликтующие группировки, и попасть туда не проще, чем в закрытые религиозные организации. Пусть сравнение с сектами не уводит в сторону от нужной нам мысли; дело не в том, что футбол является своего рода религией, — главное, что для определенной группы людей он из хобби превращается в навигатор центральной модели поведения. Даже

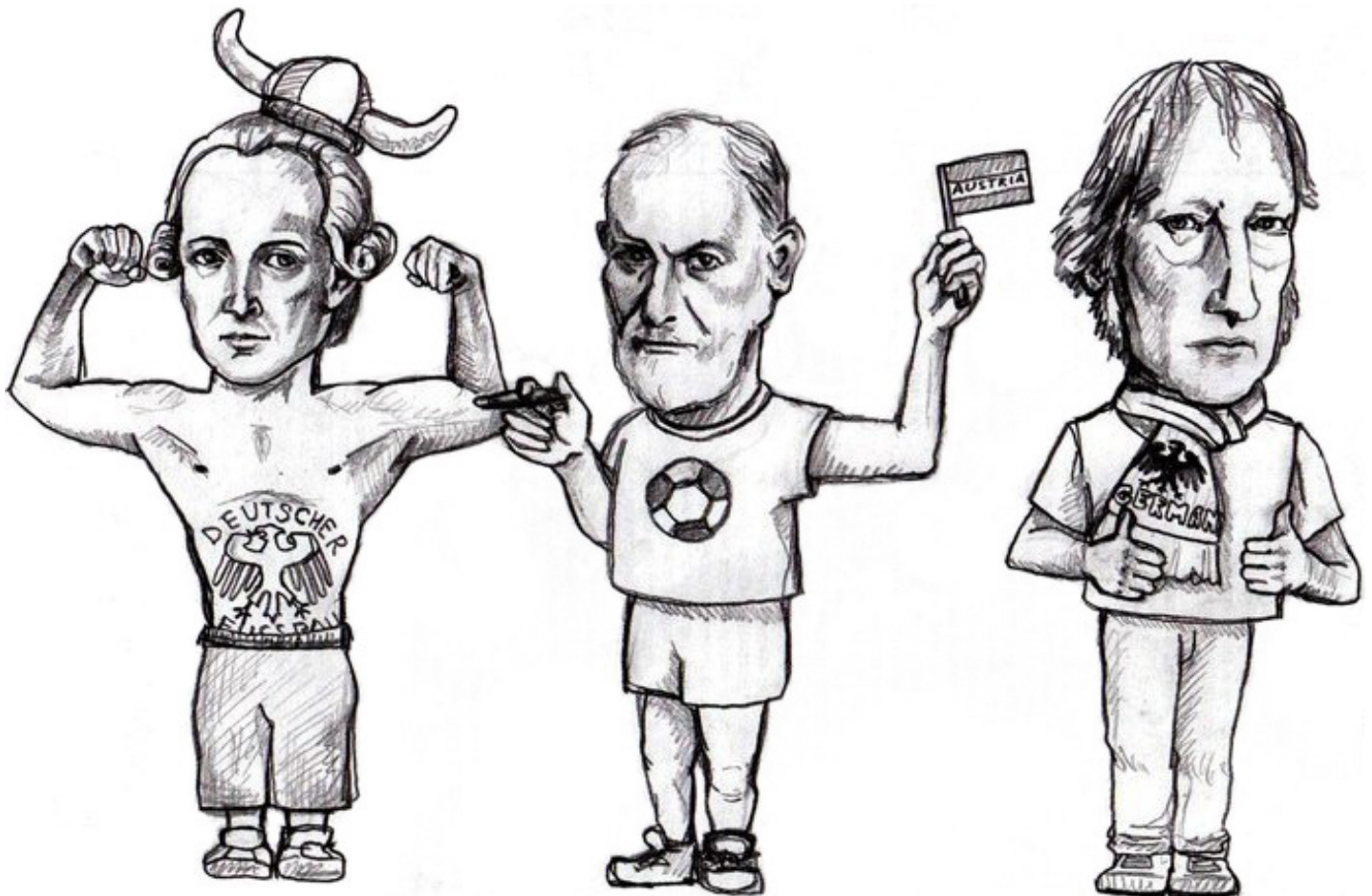
те вещи, которые не имеют к футболу никакого отношения (как, скажем, политические взгляды), определяются принадлежностью к фанатам того или иного клуба.

Если же говорить о реальной исторической ситуации, то стоит отметить, что популярность фанатских движений в различных странах сильно изменилась за последние 20–30 лет. К 80-ым годам центром фанатского движения в Европе была Англия, однако трагические события во время футбольных матчей, повлекшие большие людские потери, заставили британские власти и общество повлиять на ситуацию на стадионах. Среднестатистический английский футбольный фанат остался образцом поддержки своего любимого клуба (послушайте пение болельщиков «Ливерпуля» и вы поймете, о чем речь), но перестал быть хулиганом и расистом, постепенно превращаясь в обычного болельщика. В России же, как и в других странах бывших коммунистических республик, прежде всего на Балканах и в Польше, все произошло ровным счетом наоборот. К середине 90-ых годов в России

окончательно сформировалось фанатское движение ввиду социальных и политических особенностей того времени перенявшее, к сожалению, все худшее из опыта европейских коллег. Его переход в более цивилизованное русло, как это произошло в Англии, пожалуй, возможен лишь с достижением аналогичного экономического и правового уровня развития общества.

Что стоит понять: фанатом быть не хорошо и не плохо, это одна из многочисленных форм адаптации человека к современному обществу, возможность занять в нем какое-то место. То, что этот процесс происходит вокруг двадцати двух человек, бегающих по полю, лишь подчеркивает гениальность футбола как человеческого изобретения.

Павел Климовицкий

Венский кружок

Вена — удивительный город, подаривший миру много замечательных вещей: все знают о «венском лесе», «венском вальсе», «венских колбасках» и «венском кружке». Именно о «венском кружке» пойдет речь.

Вена конца XIX века, еще столица империи Габсбургов, была для философов особым местом: философские системы, несовместимые с католическим мировоззрением (кантианство отчего-то полагалось одной из таких), старательно изгонялись, и тем самым поощрялись миро-«воззрения», понимавшие мир не как метафизическое или законченное целое, а как непрерывно растущую область строго контролируемого научного исследования. «В этом анти-кантианском окружении подрастало молодое поколение, которое, занимаясь отдельными науками, склонялось также и к эмпирической картине мира. (Математик Ханс Хан (умер в 1934 г.), физик Филипп Франк (преемник Эйнштейна в Праге), математик Рихард фон Мизес (ныне в Стамбуле), экономист-теоретик Отто Нейрат и многие другие)». Так, из 1936 года вспоминая события конца XIX столетия и начала XX, писал один из лидеров венского позитивистского движения О. Нейрат (кстати, согласно Ф. Франку, именно Нейрат предложил называть собрания молодых ученых «венским кружком», напоминая тем самым о других «запатентованных» венских «товарах»).

Х. Хан, Ф. Франк, Р. фон Мизес и О. Нейрат познакомились еще студентами в самом начале двадцатого столетия. В период между 1907 и 1912 годами они проводили регулярные встречи — как правило, по четвергам в одном старом венском кафе. Франк, в 1912 году переехавший в Прагу, подробно записал, о чем велись разговоры в этом «первом венском кружке»: обсуждались вопросы теории и методологии науки (основными источниками знания были Пьер Дюгем, Анри Пуанкаре и Абель Рей) — обсуждались не сами по себе, а в их

значении для дальнейшей реализации программы эпохи Просвещения; обсуждались также «политические, исторические и религиозные» проблемы, решить которые в рамках Дунайской монархии не представлялось возможным. Собравшиеся причисляли себя к «левым». «После того, как Хана пригласили в университет Черновцов и пути друзей должны были разойтись, они поклялись когда-нибудь в будущем продолжить такие непринужденные дискуссии — возможно, в рамках более широкой группы и во взаимодействии с университетскими философами. Разные события задержали осуществление этого намерения».

Спустя десять лет задуманное все-таки было осуществлено. После смерти Адольфа Штёра, преемника Людвигу Больцману в венском университете, место профессора кафедры философии индуктивных наук стало вакантным. И Хан, вернувшийся в Вену в 1921 году, понял, что появился шанс для реализации старого плана. Требовался философ. Он должен был выполнять несколько условий: он не мог быть чистым историком философии, который ориентируется только в хаосе былых философских учений; он обязан был следить за развитием современных естественных наук (и неплохо разбираться в теории относительности и квантовой физике); он должен был в совершенстве понимать практическую логику естественнонаучного поиска; ему следовало воздерживаться от абстрактных спекуляций; наконец, он должен был обладать талантом организатора (иными словами, от него требовалось, чтобы он мог проводить крупные конференции с участием специалистов из разных областей научного знания). Требования очень серьезные, но нашелся один многообещающий кандидат.

Хан всеми силами боролся за приглашение германского философа Морица Шлика — в нем обнаруживалось все, что требовалось от будущего профессора кафедры философии индуктивных наук. И в 1922 году Шлик был приглашен на кафедру

Э. Маха. Философские установки этого профессора из Киля решительно нравились тем, кто желал вести основательные и принципиальные дискуссии о природе научного исследования и специфике познания. В «Общем учении о познании» (1918) Шлик писал: «Можно весьма успешно заниматься всеми отдельными науками и не давать им теоретико-познавательных обоснований; но без таковых невозможно понять [науки] во всей их окончательной глубине. Окончательное понимание есть собственно философская задача, и учение о познании есть философия». Правда, такая философия не является самостоятельной наукой, подчиняющей себе отдельные научные дисциплины; скорее она оказывается «дискурсивным проявлением системы наиболее общих принципов, которые, разветвляясь, пронизывают систему всякого познания и тем самым дают ей опору».

С прибытием Шлика в Вену возобновились регулярные встречи молодых исследователей, интересующихся теоретико-познавательными проблемами. Собрания теперь происходили раз в неделю, по вечерам в четверг. К числу первых постоянных участников относились Хан, Рейдемейстер, Нейрат и его жена Ольга, сестра Хана. Чтобы принимать участие в этом журфиксе, из Праги так часто, как это было возможно, приезжал Франк. Далее кружок пополнили Вайсман, Фейгль, Кауфман и Крафт. В 1926 году присоединился Карнап, вслед за ним прибыли Гёдель, Менгер и некоторые другие. Спустя еще некоторое время Вену стали посещать зарубежные философы, желавшие своими глазами посмотреть, что здесь происходит. Из Польши в 1930 году приехал Альфред Тарский, из США — Уиллард ван Орман Куайн, из Великобритании — Альфред Джулс Айер; далее — финн Эйно Кайла, датчанин Йорген Йоргенсен, норвежец Арне Нэсс, венгр Джон фон Нейман, итальянец Людовико Джеймона, китаец Ча Хунг. Все эти люди поспособствовали интернационализации логического позитивизма и сделали венское позитивистское движение всемирно известным.

Регулярные встречи проходили в университетских зданиях на Больцмангассе, где располагались математический и физический институты. Несложно вообразить, как именно эти встречи были организованы. Аудитория на первом этаже математического института, как правило, слабо освещена. Участники собираются постепенно и вначале образуют разрозненные малые группы. Шлик привлекает общее внимание, хлопая в ладоши, и предлагает всем участникам занять места. Зачитываются письма (особенно важными корреспондентами были Эйнштейн и Рассел), представляются и разбираются новые книги, по разным вопросам возникают споры. Далее каждый из участников сообщает своим коллегам о состоянии и перспективах собственных исследований, отвечает на критические замечания. Шлик внимательно следит за ходом дискуссий. С одной стороны, он интересный участник, а с другой стороны, он почти идеальный руководитель, мягкий, уравновешенный и проницательный.

Кажется, он в совершенстве овладел сократовским искусством ведения беседы: он внимательно выслушивает каждого выступающего, задает уточняющие вопросы и помогает ясно выразить сложную мысль. Шлик писал: «Раньше философы спрашивали о первопричине сущего, о существовании Бога, бессмертии и свободе души, о смысле мира и руководящем принципе поступков — мы же спрашиваем не более чем "Что, собственно, ты имеешь в виду?" Каждому, кем бы он ни был и о чем бы он ни говорил, мы задаем вопрос: "В чем смысл твоей речи?" Разумеется, большинство тем самым будет сбито с толку. Но в этом нет нашей вины, мы спрашиваем совершенно правильно и никого не хотим поймать в ловушку».

Это замечание, кстати, прекрасно демонстрирует, какое влияние оказал Витгенштейн на М. Шлика (а тем самым и на многих участников кружка). После убийства Шлика и эмиграции ключевых представителей, встречи еще проходили в частном порядке вплоть до 1938 года. «И в основном тогда обсуждалась проблематика философии Витгенштейна. Главным докладчиком был Вайсман. Целое полностью потеряло прежний характер. Единственным значительным человеком был еще сам Вайсман». Влияние Витгенштейна и его взаимоотношения с представителями кружка стоит обсудить отдельно.

Почти сразу после публикации «Логико-философского трактата» некоторые участники кружка познакомились с этой загадочной книгой. Казалось, что в ней речь идет о тех же проблемах, которые интересовали самих «венцев»; отдельные рассуждения и формулировки просто восхищали, но целое представлялось довольно странным. Первым, кто на очередном заседании (в четверг вечером) сделал реферативный обзор всей книги, был Курт Рейдемейстер, еще работавший в венском университете (до 1925 года) профессором математики. Всех удивило заявление Витгенштейна: «...истинность высказанных здесь мыслей представляется мне неоспоримой и завершенной. Таким образом, я считаю, что поставленные проблемы в своих существенных чертах решены окончательно». Но какие проблемы? Участники кружка, увы, не могли решить это окончательно. Отдельные положения также вызвали споры. И тогда Р. Карнап, присоединившийся к кружку в 1926 году, предложил: «Чтобы разобраться в путанице, мы должны посвятить пороздельному чтению работы столько последовательных заседаний кружка, сколько требуется». Весь академический год 1926/27 был посвящен именно этой задаче. Вслух зачитывались тезисы и подробно разбирались. Карнап писал: «Часто требовались долгие размышления для того, чтобы выяснить, что он имел в виду. И иногда мы не приходили к ясной интерпретации. Но все же мы понимали целое множество и вели об этом оживленные дискуссии. Через обсуждение книги мы научились многому; и со многими рассуждениями мы действительно ознакомились, когда сумели ассимилировать их в наши собственные фундаментальные

концепции».

Намерения автора «Логико-философского трактата» участниками кружка не принимались всерьез: они читали работу, надев свои собственные «антиметафизические», «анти-кантианские» очки; их интересовало то, что они считали нужным, а все ненужное они старательно избегали. Неудивительно поэтому, что у них не сложилась совместная работа с этим своенравным мыслителем. Витгенштейн свою задачу видел в том, чтобы «провести границу мышления, или, скорее, не мышления, а выражения мысли». «Философия проводит границу внутри спорных областей естествознания» (4.113). «Она должна устанавливать границу мыслимому и тем самым немислимому» (4.114). «Она становится обозначением того, что невысказуемо, ясно представляя то, что может быть сказано» (4.115). Но то, что Витгенштейн считал средством, участники кружка объявили целью. Они сосредоточились только на прояснении того, что может быть сказано.

В «Трактате» они нашли мощную поддержку своим «анти-кантианским» установкам (в частности, дополнительное логическое основание получила их критика кантовских «синтетических априорных суждений»): с одной стороны, они признали учение Витгенштейна о том, что мир можно описать с помощью сложной взаимосвязи эмпирико-синтетических предложений, которые, в конечном счете, могут быть редуцированы к простейшим «элементарным предложениям», утверждающим существование отдельных положений дел; с другой стороны, они были впечатлены тем, как Витгенштейн демонстрировал чисто «тавтологический» характер логико-аналитических предложений.

Но при этом они совершенно игнорировали собственные намерения Витгенштейна — «обозначить то, что невысказуемо, ясно представляя то, что может быть сказано». Такие утверждения представлялись мистическими добавлениями к довольно здравым суждениям; и, конечно, подобная мистика никак не сочеталась с их естественнонаучными установками. «Венцы» в некотором смысле даже боялись помыслить то, что находится за пределами «ясно высказываемого», не говоря о попытках это «обозначить». Наиболее резким критиком Витгенштейна, этого «мистифицирующего метафизика», был О. Нейрат. Например: «"О чем нельзя говорить, о том следует молчать" — обманчиво, по крайней мере, лингвистически; это звучит так, как если бы имелось "нечто", о чем нельзя было бы говорить. Мы бы сказали: если вы на самом деле хотите полностью воздержаться от метафизического настроения, то вам "следует молчать", но не о "чем-то". Нам не нужна разъясняющая метафизическая лестница. В этом вопросе нельзя следовать за Витгенштейном, большое значение которого для логики тем самым нисколько не преуменьшается». По этому случаю стоит привести один занимательный анекдот от К.Г. Гемпеля: «В ранних дискуссиях венского кружка, которые были посвящены подробному изучению "Трактата",

Нейрат постоянно возражал, что здесь обсуждается чистая метафизика. Когда Шлик в ответ упрекнул его, что эти многочисленные замечания мешают, Нейрат обязался говорить "М!" всякий раз, когда дискуссия будет становиться метафизической, но следом он предложил некоторое усовершенствование: "Я полагаю, это сэкономит нам время, если я буду говорить "не-М!" всякий раз, когда здесь хоть единожды не будут заниматься метафизикой!"». Нет ничего странного в том, что такие серьезные философские расхождения мешали дружескому общению. Идеальными собеседниками для Витгенштейна были Шлик и Вайсман — они беспрестанно слушали своего философского учителя и старательно усваивали все, что он говорил (итогом совместных встреч в период между 1929 и 1932 годами стала книга Вайсмана, опубликованная только после его смерти). Можно предположить, что существенным условием дружеского общения с Витгенштейном было признание его неоспоримого философского авторитета; и вполне возможно, что имел место простой психологический закон: чем самостоятельнее и критичнее мыслит человек, тем напряженнее складывались его отношения с Витгенштейном. Очевидно, что Витгенштейн не хотел иметь никаких дел с Нейратом.

Не менее сложными были отношения между Витгенштейном и Карнапом. После довольно многих частных встреч Шлику удалось познакомить Витгенштейна с Вайсманом, Карнапом и Фейглем. Они собирались в кафе, дома у Шлика, иногда — у Марии Каспар, невесты Фейгля. После первых бесед Карнап записал в дневнике: «Очень интересный, оригинальный, симпатичный человек; художественная натура». Позднее, в «Интеллектуальной автобиографии», он уточнил это первое впечатление: «В общем, он обладал симпатичным характером и был очень дружелюбным; но он был сверхчувствительным и быстро раздражался. То, что он говорил, всегда было интересным и увлекательным, а способ, каким он это говорил, часто производил впечатление». Однако, увы, в своем характере Карнап был диаметральной противоположностью Витгенштейна. Он был старательным, упорным, точным и неустанно трудившимся логиком, и, скажем, никогда не удовлетворялся простым указанием на путь от точки А к точке Б — он хотел пройти весь этот путь шаг за шагом в соответствии со строгими правилами передвижения. Витгенштейн, с чем соглашались многие, был наделен глубокой интуицией; по своему складу ума он был «творцом, религиозным пророком или провидцем». «Он произвел на нас впечатление, будто понимание приходит к нему благодаря божественному вдохновению».

Несложно было предвидеть, что различия в характере скажутся на общении и поспособствуют скорому разрыву. О встречах летом и осенью 1927 года Фейгель записал: «Витгенштейн был нетерпелив, вплоть до негодования, когда Карнап, с лучшими намерениями, требовал от него "несколько подробнее объяснить" тот или иной пункт. "Если он этого не чует, то я не могу ему помочь. У него просто нет

носа!" — жаловался Витгенштейн на Карнапа».

Все авторы воспоминаний о венском кружке сходятся в том, что Витгенштейн никогда не принимал участия в собраниях кружка и не придавал особого значения беседам с большинством участников. Лишь один раз все они имели возможность вблизи видеть этого таинственного человека. Данное событие примечательно вдвойне, поскольку оно имеет также историко-философскую значимость. Итак, в марте 1928 года Фейглю и Вайсману удалось уговорить Витгенштейна вместе с ними посетить доклад голландского математика Л.Э.Я. Брауэра. Менгер, к которому и восходит идея с приглашением, записал: «Когда Хан, который и привез Брауэра, узнал от Вайсмана, что Витгенштейн зашел в аудиторию, он поспешил ему навстречу, чтобы представиться и проводить гостя к первым рядам. Но тот несколько неожиданно расположился в среднем ряду. Там он сидел неподвижно во время доклада, с напряженным вниманием, вначале, кажется, потрясенный, затем — с ясным выражением удовольствия». Историко-философское значение

этот факт посещения Витгенштейном мероприятия, организованного венским кружком, получает в силу того обстоятельства, что именно тогда к Витгенштейну возвращается желание философствовать, которого, кажется, у него не было долгие годы. В «Трактате», говорил Витгенштейн, решены все проблемы, решены окончательно. Теперь же философия вновь увлекает его за собой. «Когда Витгенштейн, по окончании [доклада], пошел с нами в кафе, произошло великое событие. Неожиданно Витгенштейн разразился [речью] и дальше долго и подробно говорил о философии. Возможно, это было решающим моментом, поскольку, приехав в 1929 году в кембриджский университет, он снова стал философом и снова стал оказывать огромное влияние». Можно только подивиться «хитрости разума»: Витгенштейн, определивший круг основных идей венских позитивистов, сам подпал под их влияние — в атмосфере венского кружка совершилось его возвращение к философии.

Дмитрий Миронов

Кибуцы: израильский путь к коммунизму

Что мы представляем себе, когда произносят слово «кибуц»? Сады и поля Земли Израиля под средиземноморским солнцем, загорелых трудяг в белых ермолках и тружениц — в белых косынках, коллективные обеды...

Но таков ли кибуц? И как и откуда взялся такой феномен, как кибуц?

Те, кто трижды в день читают молитву «Шмонэ-эсрэ» («18 [благословений]»), помнят, что в благословении «Протруби в большой шофар (бараний рог)» есть строки: «**весо** нес лекабец голуйосейну векабцейну **яхад** меарба канфойс оорец» — «и подними чудо, чтобы собрать наше Изгнание (диаспору), и собери воедино с четырёх концов земли!» Корень **к-б-ц**, имеющий значение «собирать, соединять, объединять», который можно встретить в книгах пророков (собственно, откуда взяли и перефразировали вышеуказанные слова на иврите мудрецы в эпоху Второго Храма), и присутствует в слове «кибуц».

Но люди, которые основывали кибуцное движение в начале прошлого столетия, мало думали о молитвах и святых книгах. Они были убеждёнными социалистами в XIX-вечном смысле: безбожниками, коллективистами, дерзателями новых идей, которым, однако, было чуждо всякое мечтательство — если их отцы были дерзки как леопарды, легки как орлы, быстры как олени, и сильны как львы в исполнении воли Отца Небесного, то новое поколение все свои устремления пустило на строительство социалистического государства как в Земле Израиля, так и за её пределами.

Первый кибуц (или, как тогда говорили, «квуца») под названием Дегания возник в 1910 году, а потом их количество выросло как цветы после дождя в пустыне — шутка ли, что в начале 20-х их уже было 19, в конце 30-х — 46, а к началу 60-х — аж 228!

Но чем привлекали кибуцы, если в былое время большая часть израильского сельского населения жила там?

Во-первых, равенством и коллективизмом, которые, характерные для наших древних еврейских тела и духа, 2500 тысяч лет назад нашли себя в процветании, а в Новое время — в социализме (кстати,

Карл Маркс был потомком знаменитого Магараля из Праги (известного своим големом), а тот — потомком самого царя Давида, значит — и Маркс был потенциальный царь из рода сына Ишая!). Так, в кибуцах работают и едят вместе, решают важные вопросы на общем собрании. В кибуцах нет денег во внутреннем обороте (конечно, кибуц что-то продаёт и покупает, но внутри общины нет товарно-денежных отношений), а всё, что человек зарабатывает «на стороне» (например, работая профессором в вузе, художником в студии, музыкантом в консерватории или рабочим на заводе), — весь свой заработок он отдаёт в общую копилку. При этом в кибуце царит свобода политических, религиозных и иных убеждений, никто никого не заставляет: ну не хочешь так жить — выбери иной путь, благо израильские реалии предоставляют целую палитру на любой вкус. Кибуц сам себя кормит, сам себя защищает. Там есть школы, выпускники которых потом поступают в университеты — и кибуц им оплачивает учёбу (а высшее образование в современном Израиле, увы, исключительно платное).

Во-вторых, кибуцное движение — это секуляризированный мессианизм, который, однако, ещё пил молоко чужих кормилиц — новоевропейского социализма и новоеврейского сионизма, которые заменили многим религию. Увы, некоторые кибуцники утверждают, что они атеисты (ага, так мы им и поверили: еврей-атеист — это оксюморон, ведь, как показали классики хасидизма, каждый еврей — «верующий сын верующего»), что они не соблюдают заповедей (тоже охотно верим: где ж вы видели среди них не почитающего родителей и не пьющего вина вечером святой субботы!) и что вообще они — как остальные народы (но живут на земле, избранной Б-гом и данной своему любимцу — Израилю). Но, благо, есть и религиозные кибуцы, и их не мало.

В-третьих, кибуцы — это не закрытый клуб для избранных: туда может попасть любой по-настоящему желающий (то же самое можно сказать и про еврейство вообще). Эти «собрания», как правило, небольшие: 200–1000 человек — аккуратно древнееврейская «мишпоха» (букв.: семья, клан) — «большая семья», структурная единица шавтим, израиль-

ских колен, известных каждому из Библии. И, как показала история, объединения такого количества людей достаточно устойчивы и могут существовать века и тысячелетия: люди знают друг друга почти как себя, да и прибавьте формирующиеся в этом коллективе кровнородственные связи (кстати, кибуцное движение не отрицает семьи, в отличие от некоторых радикальных социалистических течений, — да и зачем, ведь хроника всего рода человеческого ясно дала знать: без семьи — никуда!). Бывает, что туда приезжают волонтерами иностранцы, а некоторые так и остаются.

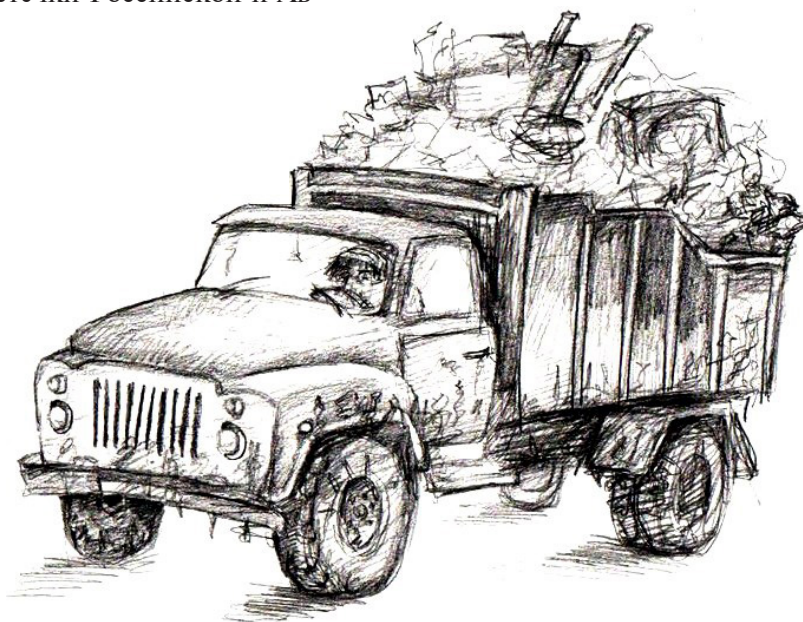
Увы, вавилонская блудница капитализма и т.н. «либерализма» проникла и в Святую Землю, искушая колеблющихся и сомневающихся, как неверная жена — юношу из «Мишлей» («Притч» царя Шломо-Соломона): многие, особенно молодёжь, покидают кибуцы подобно тому, как их деды и прадеды покидали местечки Российской и Ав-

стро-Венгерской империй.

Но унывать не стоит — кибуцы стабильно существуют и, подобно всему еврейскому народу, приспособились к новым условиям жизни. Однако им, как пившим молоко вышеуказанных «кормилиц», надо ещё пройти путь исправления.

Каков же урок кибуцев? Во-первых, они показывают, что люди могут жить дружно и коллективно — и даже очень хорошо. Но во-вторых, не стоит забывать и о тысячелетней Б-годанной традиции, ведь именно она указала путь в грядущее высоконравственное состояние (коммунизм, на языке социальных наук), отвергнув тьму языческого поклонения золотому тельцу (т.е. капитализм), — и лишь в эпоху Мошиаха (которая уже совсем близко!) всё человечество будет одним дружным кибуцем!

Давид Апфельбаум

Тема следующего номера: Видеоигры

Ждем ваши тексты и рисунки до 20 мая 2014 года

Номер подготовили:

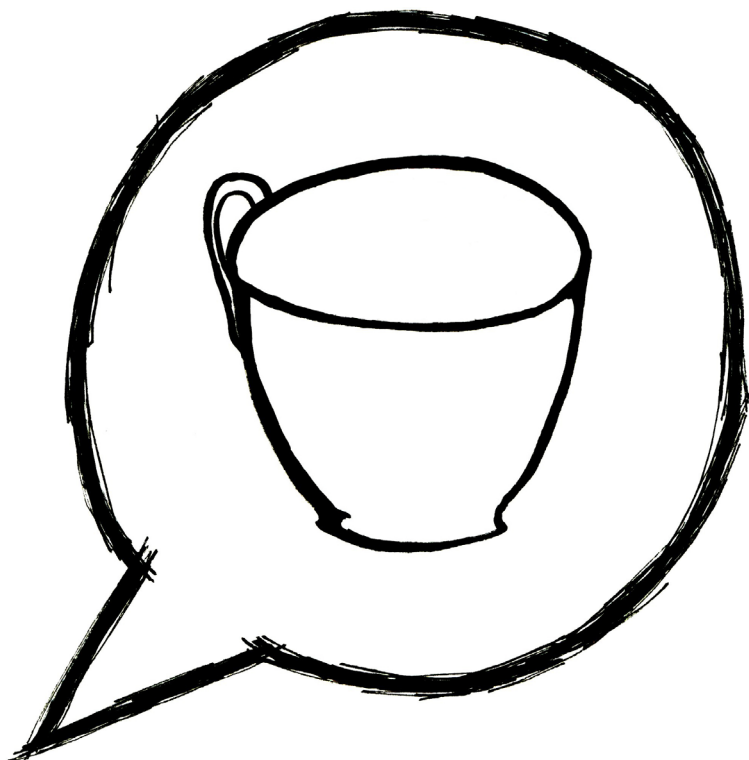
Фомин И., Логинов Е., Мерцалов А., Бурмина К., Басов А., Усачева М., Апфельбаум Д., Гиренок Ф., Климовицкий П., Сайфулина К., Метелкина С., Лебедева А., Усачева О., Ивашкин П., Кузин И., Никифорова А., Миронов Д., Козырев А., Сафронова Н., Сердитая С., Беляевских Н., Сукальская А., Сафьян А., Гурьянова М., Ермолаева Ю., Воронов А., Дубров И., Плехотнюк Н., Ваня Аналитик

Редакция выражает благодарность Совету Молодых Ученых Философского факультета МГУ за оказанную помощь.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых материалов.

Контакты:

loginovlosmar@gmail.com (Евгений Логинов — главный редактор), fominivan1@gmail.com (Иван Фомин), vk.com/philoscafe (группа Философского кафе), datepalmcompote.blogspot.ru/ (блог, где публикуются материалы, не вошедшие в выпуск, и где хранится интернет-архив номеров). Адрес редакции и издателя: 141980, г. Дубна, ул. Сахарова, д. 19.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77 – 55624 от 09.10.2013.

Соучредители журнала: Евгений Логинов, Андрей Мерцалов и Иван Фомин.

Отпечатано в Рекламно-производственной компании PoligRaphy.

Адрес типографии: Московская обл., г. Дубна, пр. Боголюбова, 43. Тираж 500 экз.

Номер вышел в свет 1 апреля 2014 года.

© Финиковый компот, 2014